

Темное удовольствие

Автор:

[Джена Шоуолтер](#)

Темное удовольствие

Джена Шоуолтер

Владыки Преисподней #3

Рейес, один из бессмертных воинов, Владык Преисподней, запретил себе познавать наслаждение от близости с женщинами. В нем живет демон Боли, который способен искалечить их судьбы. И все-таки он больше жизни жаждет смертную, Данику Форд, и готов на все, чтобы быть с ней – даже бросить вызов богам. Но Даника в бегах. Она ускользает от одного из Владык, который не будет знать покоя, пока Даника и ее семья не умрут. Однако в памяти ее все еще живо воспоминание о горячем прикосновении Рейеса. Бессмертный воин бросается на поиски беглянки, хотя совместное будущее может обернуться гибелью для всех, кто так им дорог...

Джена Шоуолтер

Темное удовольствие

The Darkest Pleasure Copyright © 2008 by Gena Showalter «Темное удовольствие»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Посвящается Кемми Толберт, удивительной женщине, которая обожает книги, как и я

Глава 1

Рейес стоял на крыше крепости под Будапештом, на высоте пятого этажа, шатко балансируя на узком выступе. С неба на него проливался красно-желтый лунный свет. Словно кровь, смешанная с призрачным золотом, этот свет оставлял свежие раны на бесконечном пространстве черного бархата.

Он зачарованно смотрел на мрачную, зовущую пустоту, разверзшуюся внизу; манящая земля внизу, казалось, распахивала навстречу ему свои объятия.

«Тысяча лет, и я по-прежнему обречен на это». Ледяной ветер развеивал его волосы, обжигал обнаженную грудь, ненавистную выжженную на его шее бабочку, напоминая о пролитой крови. Но не его крови. Крови друга. Каждое легкое прикосновение к этому призрачному свидетельству жизни и смерти было подобно раздуванию обжигающего пламени его вины.

Сколько раз он приходил сюда, вспоминая и жалея о том, что произошло. Сколько раз он молил об освобождении, об облегчении ежедневных мук и успокоении демона в его душе, который и был виной всему... освобождению от его потребности в самоуничтожении.

Но его молитвы всегда оставались без ответа. И так будет всегда. Он навсегда останется таким. И его муки лишь усилятся. Когда-то бессмертный воин, служивший богам, теперь он стал Владыкой Преисподней, одержимым одним из множества демонов, ранее запертых в Дим-Униаке. От славы к бесчестью, от любви к презрению. От счастья к бесконечному страданию.

Он стиснул зубы. Смертные считали Дим-Униак ларцом Пандоры, он же знал его как источник вечного падения. Он и его друзья дерзко открыли его много веков назад и теперь в наказание сами стали вместилищами, в каждом из которых обитал демон.

«Прыгай», – настаивал демон Боли. Его постоянный спутник.

Соблазнительный шепот в глубине души, темная сущность, жаждавшая чудовищного зла. Сверхъестественная сила, с которой он боролся каждую минуту каждого проклятого дня.

«Прыгай».

– Подожди.

Еще несколько секунд ожидания, мыслей о том, что все его кости разобьются вдребезги. Он улыбнулся при мысли об этом. Острые как бритва осколки костей распорют его поврежденные органы, и они лопнут, как наполненные водой шары; его кожа порвется от хлынувшей жидкости, и на этот раз вытекающая из него жизненная сила будет принадлежать ему. Агония, блаженная агония охватит его.

Однако это продолжится недолго.

Его улыбка медленно растаяла. Через несколько дней, а то и часов, если ему не удастся причинить себе безвозвратный вред, его тело полностью исцелится. Он очнется совершенно здоровым, а Боль вновь требовательным голосом заговорит в его душе, и голос этот будет невозможно заглушить. Но на несколько благословенных секунд, прежде чем его кости начнут срастаться, а кожа восстанавливаться, до того, как его кровь снова забурлит в венах, он ощутит нирвану. Истинный рай. Неопикуемый восторг. Он растворится в невероятном удовольствии, пришедшем вместе с болью – его единственным источником удовольствия. Демон довольно замурлычет, опьяненный неопикуемым ощущением, а Рейес испытает блаженный покой.

На краткий миг. Это всегда продолжается лишь мгновение.

– Мне не нужно лишний раз напоминать о быстротечности моего покоя, – пробормотал он, пытаясь задавить тоскливую мысль. Он знал, как быстро пролетало время. Порой год длился не дольше дня. А день – не дольше минуты.

И все же иногда эти краткие мгновения казались ему бесконечностью. В этом и заключалось одно из множества противоречий жизни Владыки Преисподней.

«Прыгай, – напомнил демон Боли. А затем более настойчиво потребовал: – Прыгай! Прыгай!»

– Я уже сказал. Дай мне несколько секунд. – Рейес снова бросил взгляд вниз.

Остроконечные камни бликовали в кровавом лунном свете, прозрачные лужи вокруг них подернулись рябью от ветра. Розовый туман, словно призрачные пальцы, все настойчивее толкал его вперед.

– Вонзив клинок в горло врага, ты убьешь его, – сказал он демону, – но когда все кончено, тебе больше нечего ждать.

«Прыгай!» Команда прозвучала раздраженно, нетерпеливо и горячо, словно у ребенка в приступе гнева.

– Скоро.

«Прыгай, прыгай, прыгай!»

Да, порой демоны действительно напоминали капризных детей. Рейес провел пальцами по спутанным волосам, выдрав несколько прядей. Он знал лишь один способ унять свою вторую половину. Послушание. И не понимал, почему пытался противостоять демону, и наслаждался моментом.

«Прыгай!»

– Возможно, на этот раз ты отправишься в ад, – пробормотал он. Это то, чего он желал. Наконец он раскинул руки. Закрыл глаза. Наклонился...

– Спускайся-ка оттуда, – раздался голос у него за спиной.

Рейес резко открыл глаза в ответ на нежеланное вторжение. Он выпрямился, но не обернулся. Он знал, почему Люсьен здесь, и ему было стыдно посмотреть в глаза другу. И хотя воин понимал, через что ему приходилось проходить по вине своего демона, невозможно понять то, что он сделал.

- Таков план - отправиться вниз. Уходи, и я все доведу до конца.

- Ты знаешь, что я имею в виду. - В голосе Люсьена не было и намека на смех. - Мне необходимо поговорить с тобой.

Внезапно воздух наполнился влажным запахом роз, плотным и ароматным и таким неожиданным во тьме зимней ночи, что Рейесу почудилось, будто он вдруг перенесся на весенний луг. Человеку этот аромат показался бы гипнотическим, успокаивающим, почти притягательным, и он сделал бы все, что приказал ему воин. Но Рейес ощутил лишь раздражение. После многих веков, проведенных вместе, Люсьену следовало бы запомнить, что аромат не имел над ним никакой власти.

- Поговорим завтра, - сухо откликнулся Рейес.

«Прыгай!»

- Мы поговорим сейчас. А потом можешь делать что хочешь.

После того, как Рейес признался в своем недавнем преступлении? Нет уж, спасибо. Чувство вины, стыд и горечь причиняли душевную боль, но это неспособно унять голод его демона. Лишь физические страдания приносили облегчение, именно поэтому Рейес всегда так тщательно охранял свое душевное равновесие. И неплохо в этом преуспел.

Он провел кончиком языка по зубам, не зная, кто именно прошептал эти саркастические слова. Он или Боль.

- Мне сейчас очень плохо, Люсьен.

- Как и всем остальным. Как и мне.

- У тебя, по крайней мере, есть женщина, которая может утешить.

- А у тебя есть друзья. Есть я.

Люсьен, одержимый демоном Смерти, провожал души умерших в загробный мир, в рай или в пылающее пламя ада. Он почти всегда был образцом мужества и спокойствия. Он стал их предводителем, мужчиной, к которому обращался за помощью и наставлениями каждый воин, обитающий в этой крепости под Будапештом.

- Поговори со мной.

Рейесу не хотелось отвергать помощь друга, но он убеждал себя, что лучше Люсьену не знать об ужасном преступлении, которое он совершил.

Только подумав об этом, Рейес понял, что лжет, его останавливала позорная трусость.

- Люсьен, - начал он и умолк, а демон раздраженно заворчал.

- Следы шин стерлись, и никто не знает, где теперь Аэрон, - сообщил Люсьен. - Никто не знает, чем он занимается, особенно если это именно он убил тех людей в Штатах. Мэддокс сказал, что позвонил тебе сразу после того, как Аэрон сбежал из подземелья. А затем Сабин рассказал, что ты в спешке покинул Рим и храм Неназываемых. Не хочешь рассказать, куда ты отправился?

- Нет. - И это правда. Он не хотел. - Но ты можешь спать спокойно, зная, что Аэрон больше не станет убивать людей.

Между ними повисла пауза, и запах роз усилился.

- Почему ты так уверен? - Вопрос прозвучал немного резко.

Рейес пожал плечами.

- Хочешь, я расскажу, что на самом деле произошло? - Резкий тон Люсьена смягчился, и в нем прозвучало ожидание. И страх? - Ты отправился следом за

Аэроном, в надежде защитить девушку.

Девушка. Аэрон похитил девушку. Новые боги, титаны, приказали Аэрону убить девушку. Рейес лишь раз взглянул на эту девушку, и ее образ заполнил его самые смелые фантазии, раскрасил его поступки и превратил его во влюбленного дурака.

От одного взгляда на нее его жизнь изменилась, и не в лучшую сторону. И все же, когда Люсьен позволил себе не произнести ее имя, он ужасно разозлился. Рейес желал эту девушку так же сильно, как желал, чтобы на его голову обрушился молот. Для демона Боли это было уже что-то.

- Итак? - потребовал продолжения Люсьен.

- Ты прав, - произнес Рейес сквозь сжатые губы. «А почему бы во всем не признаться?» - внезапно подумал он. Его охватило душевное смятение, и все попытки сохранить самообладание лишь усиливали беспокойство. Но не может быть, чтобы друзья возненавидели его сильнее, чем он сам ненавидел себя. - Я отправился за Аэроном.

Признание повисло в воздухе, тяжелое, как кандалы, и он умолк.

- И нашел его.

- Да, нашел. - Рейес распрямил плечи. - И... уничтожил его.

Камни захрустели под ногами Люсьена, когда он медленно направился вперед.

- Ты убил его?

- Хуже. - Рейес по-прежнему не оборачивался. Он жадно вглядывался в ожидавшую его пропасть. - Я похоронил его.

Шаги резко оборвались.

- Ты похоронил его не убив? - В голосе Люсьена прозвучало недоумение. - Не понимаю.

– Он собирался убить Данику. Я увидел муку в его глазах и понял, что он этого не хочет. Я ранил его, чтобы остановить, и он поблагодарил меня, Люсьен. Поблагодарил. Он умолял меня остановить его. Умолял отрубить ему голову. Но я не смог этого сделать. Я занес над ним меч, но просто не смог. Поэтому я отправил Кейна за цепями Мэддокса. Зная, что они больше не нужны Мэддоксу, я приковал Аэрона этими цепями в подземелье.

Рейес когда-то был вынужден каждую ночь приковывать Мэддокса к постели и, исполняя наложенное проклятие, обречен протыкать своего друга насквозь шесть ужасных раз, зная, что воин очнется утром и ему придется снова убивать его. «Такой я друг».

Спустя столетие Мэддокс стал смиряться с проклятием. Однако его по-прежнему необходимо было сдерживать. Одержимый демоном Насилия, Мэддокс нападал без предупреждения. Даже на друзей. И, обладая невероятной силой, мог в считанные мгновения разорвать сделанный руками человека металл. Поэтому они забрали цепи, выкованные богами, которые не под силу было разорвать даже бессмертному и можно было открыть лишь специальным ключом.

Как и Мэддокс, Аэрон был бессилен против этих цепей. Вначале Рейес противился тому, чтобы заковывать в них своего друга, не желая отбирать у воина свободу. Печально, но, как и в случае с Мэддоксом, их использование стало необходимостью.

– Где Аэрон, Рейес? – В тоне вопроса прозвучало жесткое требование, исходившее от властного мужчины, привыкшего получать все, что пожелает и когда пожелает. Мужчины, убежденного в том, что при любой задержке результатом станут тяжелые последствия.

Рейес не был напуган. Он просто ужасно не хотел разочаровывать этого воина, которого любил, словно брата.

– Этого я тебе не скажу. Аэрон не желает, чтобы его освободили. – «А даже если бы и хотел, не думаю, что я освободил бы его».

В этом и заключался корень проблемы.

Между ними снова повисла напряженная пауза.

– Я и сам могу найти его. Ты ведь знаешь.

– Ты уже пытался, и ничего не вышло, а иначе ты бы не пришел сюда. – Рейес знал, что Люсьен мог посетить мир духов и отыскать след человека в мире живых. Однако иногда след исчезал или становился неразличимым.

Рейес подозревал, что нечто подобное произошло со следом Аэрона, потому что Люсьен был сам на себя не похож.

– Ты прав. Его след обрывается в Нью-Йорке, – мрачно признал Люсьен. – Я мог бы продолжить поиски, но это займет много времени. А время сейчас дорого для каждого из нас. Уже и так прошло две недели.

Рейес прекрасно об этом знал, чувствуя, как за эти две недели на его шее словно затягивается петля и неприятности следуют одна за другой. Охотники, их главные враги, сейчас разыскивали ларец Пандоры, надеясь использовать его для того, чтобы извлечь демона из каждого воина, уничтожить человека и запереть зверя.

Если воины хотели выжить, то должны были найти ящик первыми.

Его жизнь была полна беспокойства, но он не был готов навсегда распрощаться с ней.

– Скажи, где он, – потребовал Люсьен, – я привезу его в крепость. И заточу в подземелье.

Рейес фыркнул:

– Он уже однажды сбежал. И может сбежать снова. Думаю, даже цепи Мэддокса не помогут. Жажда крови дает ему невиданную силу. Лучше пусть остается там, где он сейчас.

– Он твой друг. И он один из нас.

– Но он уже не тот, что прежде, и ты это знаешь. Большую часть времени он не осознает, что творит. Он убил бы и тебя, если бы ему представилась возможность.

– Рейес!..

– Он уничтожит ее, Люсьен.

Ее. Данику Форд. Рейес видел ее всего несколько раз, почти не говорил с ней и все же желал ее каждой клеточкой своего существа. Он не мог понять, что с ним происходит. Он источал тьму, она – свет. Он нес в себе страдание, она – невинность. Он совсем ей не подходил и все же, когда она смотрела на него, ощущал, что все так, как и должно быть.

Рейес не сомневался, что в следующий раз, встретившись с ней, Аэрон безжалостно убьет ее. И ничто его не остановит. Аэрону приказали убить Данику, а вместе с ней ее мать, сестру и бабушку, и он был бессилен перед властью богов, как и все остальные. Он выполнит приказ.

Рейес ощутил горячий прилив ярости и взглянул на камни внизу, чтобы успокоиться. Поначалу Аэрон устоял перед злой волей богов. Он был... нет, он оставался хорошим человеком. Но с каждым днем его демон становился сильнее, и голос, звучавший у него внутри, делался громче, пока полностью не затмил разум. И теперь Аэрон стал демоном Ярости, который жил у него внутри. Он подчинился. Перестал быть собой. Пока те четыре женщины не умрут, он будет охотиться и убивать.

Кроме того, во временном убежище Даники четырнадцать дней четыре часа и пятьдесят шесть минут назад осталась крохотная часть Аэрона, которая помнила о его преступлениях. Крохотная часть его души, которая ненавидела того, кем он стал, и больше всего на свете желала смерти. Желала положить конец мучениям. А иначе зачем Аэрон попросил Рейеса убить его?

«А я отказал ему». Рейес не мог заставить себя причинить вред другому воину. Больше ни за что. И все же, какой монстр мог бросить своего друга страдать? Друга, который сражался за него, убивал ради него? Любил его?

Должен быть способ спасти и Аэрона, и Данику, в тысячный раз подумал он. Рейес провел бесчисленное количество времени, размышляя над этим, но так и не нашел ответа.

- Ты знаешь, где девушка? – резко спросил Люсьен, прерывая его раздумье.

- Нет. – Это была правда. – Аэрон нашел ее, я нашел Аэрона, и между нами произошла схватка. Она убежала. Я не стал ее преследовать. Теперь она может быть где угодно. – Так будет лучше. Он понимал это и все же по-прежнему отчаянно желал узнать, где она, чем занимается... если еще жива.

- Люсьен, приятель, что ты так долго?

Услышав еще один голос, Рейес наконец обернулся.

Парис, одержимый демоном Разврата, стоял рядом с Люсьеном. Оба мужчины, прищурившись, разглядывали его. Сияние багрово-красной луны рассеивалось вокруг них, не касаясь, словно боясь коснуться зла, которое даже ад был не в силах держать в себе.

Однако бессмертный Рейес ясно видел их в темноте.

Парис был самым высоким среди них, с разноцветными волосами, смертельно-бледный и такими прозрачными голубыми глазами, которые не в силах был бы вообразить себе ни один поэт. Смертные женщины находили его очаровательным, неотразимым, бросаясь в его объятия и умоляя об одном лишь прикосновении, о горячем поцелуе.

Люсьену, у которого теперь появилась подруга, повезло гораздо меньше. Смертные женщины старались избегать его. Лицо Люсьена было испещрено ужасными шрамами, придавая ему вид нереального, сказочного монстра из ночных кошмаров. Вдобавок к этому у него были разноцветные глаза – карий, который следил за живым миром, и голубой, пронзавший мир духов. И каждый из них напоминал о смерти, которая не дремлет.

Оба мужчины были сильны и мускулисты – признак ежедневных физических упражнений. Они были вооружены до зубов и готовы в любой момент принять

бой. Это была их обязанность.

- Что-то я не припомню, чтобы мы договаривались о вечеринке, - заметил Рейес.

- Что ж, твоя память поистрепалась за давностью лет, - откликнулся Парис. - Помнишь, мы собирались обсудить наш дальнейший план действий. И много чего еще.

Рейес вздохнул. Воины делали что хотели, когда хотели, и колкие замечания не могли их остановить. Он не понаслышке знал об этом, потому что сам был таким же.

- Разве ты не ищешь потайные убежища Гидры?

Роскошные пухлые губы - мечта любой женщины - растянулись в упрямой улыбке. В глазах Париса промелькнула боль, которую Рейес обычно замечал, когда смотрел в зеркало, а затем боль мгновенно сменилась обычной презрительностью воина.

- Ну и?.. - произнес Рейес, не услышав ответа.

Наконец его друг заговорил:

- Даже бессмертным необходима передышка.

Возможно, Парису было что рассказать, но Рейес решил не настаивать. «Я не единственный, у кого есть секреты». Несколько недель назад воины разошлись, отправившись на поиски Гидры, ужасной полузмеи-полуженщины... существа, охранявшего любимые «игрушки» повелителя титанов. Эти игрушки - божественные артефакты - должны были вывести их на ларец Пандоры. Но пока им удалось найти лишь одну из них - Клеть Принуждения. И они понятия не имели, где находятся остальные.

- Да, но перед лицом угрозы гибели передышка теряет привлекательность. Я понимаю, что должен прилагать больше усилий ради нашего общего дела. И я это сделаю. Потом.

Парис пожал плечами:

– Я делаю, что могу. Штаты – это огромная чертова страна, и изучать ее издалека так же сложно, как передвигаться по ее земле среди всех этих людей.

Воины разъезжали по разным странам, чтобы найти подсказки, где искать ящик, поиски были безуспешны, и они быстро вернулись назад, чтобы обсудить, что делать дальше.

Не сводя глаз с Рейеса, Парис спросил Люсьена:

– Он рассказал тебе, где Аэрон?

Люсьен вскинул темную бровь:

– Нет.

– Я же предупреждал, что с ним будет нелегко. – Парис нахмурился. – Он сам не свой уже продолжительное время.

Он мог бы сказать то же самое о Парисе, подумал Рейес, заметив беспокойство и усталые тени под глазами на лице обычно оптимистичного друга. Возможно, ему следовало надавить на Париса и узнать ответы на свои вопросы. Совершенно ясно, что с другом что-то произошло. Что-то серьезное.

– У нас мало времени, Рейес. – В словах Париса прозвучало осуждение. – Помогите нам.

– Охотники, как никогда, полны решимости покончить с нами, – добавил Люсьен. – Мы нашли всего один артефакт из четырех, но нам необходимы все, чтобы найти ларец.

Рейес вскинул бровь, подражая Люсьену:

– Думаете, что Аэрон способен в этом помочь?

- Нет, но нам не нужны разногласия. И ни к чему лишнее беспокойство о нем.

- Вы можете не беспокоиться, - сказал Рейес. - Он не хочет, чтобы его нашли. Он ненавидит себя таким, каким стал, и не желает представлять перед нами в таком виде. Клянусь, он хочет быть там, где я его оставил, а иначе я бы так не поступил.

Дверь распахнулась, и Сабин, одержимый демоном Сомнения, направился к ним, его каштановые волосы развевались на ветру.

- Проклятие! - воскликнул воин, воздев к небу руки. - Какого дьявола здесь происходит? - Он заметил Рейеса, и на его лице появилось понимание. Он закатил глаза. - Черт, Боль, ты знаешь, как испортить встречу.

- А почему ты не обыскиваешь Рим? - спросил его Рейес. Неужели все одновременно перестали работать за те полчаса, что он находился на крыше?

Гидеон, одержимый демоном Лжи, появился следом за Сабинем и помешал воину ответить с издевкой:

- О боже, как смехотворно все это выглядит.

«Смехотворно» в изложении Гидеона означало скучно. Каждая произнесенная правда причиняла ему пронзительную боль. «Боль - это то, что мне необходимо», - подумал Рейес. Если бы ради этого ему стоило бы лишь солгать, его жизнь стала бы намного проще.

- А разве ты не должен помогать Парису искать в Штатах? - спросил Рейес. Он не стал дожидаться ответа. - Все это становится похоже на чертов цирк. Неужели нельзя похандрить и помучить себя в одиночестве?

- Нет, - сказал Парис, - нельзя. Перестань менять тему и сбивать нас с толку. Ответь на наши вопросы, или, клянусь богами, я подойду и поцелую тебя в губы. Мой малыш голоден, и его необходимо покормить. Он считает, что ты подойдешь.

Рейес не сомневался, что демон Разврата хотел уложить его в постель, но знал, что Парис предпочитал женщин.

«Избавься от них». Рейес разглядывал своих новых гостей. Гидеон был одет во все черное, а его волосы выкрашены в голубой цвет, у него были угольно-черные ресницы, а в бровях в нескольких местах блестели серебряные серьги-гвоздики. Люди ужасно его боялись.

Сабин тоже был одет во все черное, но у него были каштановые волосы, карие глаза и широкое простодушное лицо. Глядя на него, нельзя было представить, что он способен убить любого, кто приблизится, и при этом расхохотаться.

Оба мужчины были невероятно упрямы.

– Мне необходимо подумать, – сказал Рейес, надеясь сыграть на их сочувствии.

– Здесь не о чем думать, – откликнулся Сабин. – Ты достойный воин, поэтому сделаешь все как надо.

«Неужели? Возможно, ты так же слаб, как и смертная девушка, которую страстно желаешь. Почему тогда ты причиняешь боль тем, кто тебя любит?»

Ой, подумал он, сжимаясь. Он был слаб.

– Сабин, – проворчал Рейес, когда эта мысль обожгла его. – Перестань забрасывать меня сомнениями. Мне своих достаточно.

Воин застенчиво пожал плечами, даже не пытаясь отрицать сказанное.

– Прости.

– Раз наше собрание никто не отменял, – сказал Гидеон, – я не отправлюсь в город, не посету клуб «Судьба» и не заставлю какую-нибудь смертную женщину кричать в экстазе. – Минуту спустя он исчез за дверью, расстроено качая головой.

– Не отменяйте собрание, – сказал Рейес. – Просто... начинайте без меня. – Он бросил взгляд через плечо, посмотрев в небо, а затем уставившись вниз. Зловещая ночная тьма по-прежнему ждала, призывая его к прыжку. – Я вот-вот прыгну.

Губы Париса скривились.

– Вниз. Забавно. Возможно, я спущусь к тебе и мы сыграем в игру «Спрячь печень», как в прошлый раз. Мне нравится смотреть, как ты полностью регенерируешь, вместо того чтобы исцелять себя.

При этих словах даже Люсьен улыбнулся.

– О, я тоже хочу поиграть! Могу я на этот раз спрятать его печень?

При звуке томного голоса Аньи Рейес с трудом подавил стон.

Светловолосая богиня Анархии ворвалась в дверь и бросилась в распахнутые объятия Люсьена, ее клубничный аромат разнесся вокруг, подхваченный усилившимся ветром. Парочка ворковала и обнималась некоторое время, растворившись друг в друге и забыв об остальном мире.

Рейес не сразу привык к этой женщине. Она принадлежала Олимпу, откуда были родом те, кого он презирал, это во-первых. Во-вторых, она сеяла вокруг себя хаос, который был для нее таким же естественным, как дыхание. Но, несмотря на это, она помогала каждому из присутствовавших воинов и одарила Люсьена счастьем, о котором Рейес мог только мечтать.

Сабин кашлянул.

Парис присвистнул, хотя звук вышел напряженным.

Рейес ощутил острый укол зависти, и его сердце, которое скоро перестанет биться, болезненно сжалось. Как бы он хотел, чтобы у него вообще не было сердца. Тогда он не смог бы желать Данику, хотя и понимал, что она никогда не будет ему принадлежать.

Это не имеет значения, решил он. Она никогда не полюбила бы его в ответ. Большинству женщин не нравилась окружавшая его аура сентиментальности и нежности, и похожая на ангела Даника не была исключением. Она приходила в ужас от одного его присутствия.

Хотя, возможно, он мог бы завоевать ее, соблазнить и расположить к себе. Возможно... Но он даже не попытался. Женщины, с которыми он спал, всегда уступали его демону, опьяненные его властью, становились рабами его страстей. У них появлялась необходимость в боли, и они начинали причинять вред окружающим.

– За одним потянулись и остальные, – заметил Рейес, в его словах звучал сарказм, и он надеялся, что никто не заметил его душевных мук. – Радостная встреча после долгой разлуки.

Что сейчас делает Даника? С кем она? С женщиной? Прижимается к нему так же, как Аня к Люсьену? Или же она мертва и похоронена, как Аэрон? Его ладони сжались в кулаки, ногти превратились в острые когти, разрывающие кожу, принося восхитительную, обжигающую боль.

– Хватит молоть чепуху, Боль, – произнесла Аня, глядя на него. Она прижалась к шее Люсьена, ее голубые глаза сверкали сквозь упавшие на лицо пряди светлых волос. – Ты зря теряешь время Люсьена, и это начинает меня раздражать.

Плохие события случались, если Аня приходила в ярость. Войны, природные катаклизмы. Рейес не смог бы ей противостоять.

– Мы уже поговорили. Он узнал все, что хотел.

– Не все, – заметил Люсьен.

– Расскажи ему, или я столкну тебя! – воскликнула Аня. – А затем, клянусь чертовыми богами, пока ты станешь приходить в себя и будешь беспомощен, я найду твою маленькую подружку и пришлю тебе ее палец.

При одной лишь мысли об этом его глаза заволокла красная пелена. Даника... страдает... «Не реагируй. Не позволяй ярости лишить тебя самообладания».

- Ты не тронешь ее.

- Следи за своим тоном, - проворчал Люсьен, крепче обнимая свою женщину.

- Ты даже не знаешь, где она, - ответил Рейес, немного успокоившись, удивляясь тому, каким заботливым стал непоколебимый Люсьен.

Аня коварно улыбнулась.

- Аня, - предостерегающе пробормотал он.

- Что? - с невинным видом спросила она.

- Мы больше не обсуждаем Аэрона, - прорычал Рейес. - Вас там не было. Вы не видели страдание в его глазах, не слышали мольбы в его голосе. Я сделал то, что должен был, и сделаю это еще раз, если понадобится. - Он отвернулся от друзей. Взглянул вниз. Вода из луж яростно захлестывала острые камни, разбросанные по земле. Они по-прежнему манили его к себе.

«Освобождение», - шептали они.

Хотя бы ненадолго...

- Рейес, - позвал Люсьен.

Рейес прыгнул.

Глава 2

- Заказ готов.

Даника Форд подхватила две тарелки, скользящие по серебряной плите. На одной был жирный гамбургер с луком, на другой – чили-дог с чили кон карне и сыром. К ним подавался умопомрачительный картофель фри, и все это великолепие источало столь аппетитные ароматы, что у нее заурчало в животе и рот наполнился слюной от голода.

Последний раз она ела прошлым вечером перед сном, и это был сэндвич с копченой болонской колбасой. Хлеб был с хрустящей корочкой, а колбаса – сочной и ароматной. Сейчас она заплатила бы любые деньги за такой сэндвич. Если бы они у нее были.

До конца ее смены оставалось еще три часа, и тогда она снова сможет поесть. Еще три часа ломоты в ногах и спине и слабости во всем теле. Она не выдержит. «Не будь неженкой. Выше голову. Соберись. Ты ведь из семьи Форд. Не смей раскисать».

Несмотря на ободрения, Даника не могла оторвать взгляд от тарелок. Она облизнула губы. Только маленький кусочек. Кому это повредит? Никто и не узнает.

Ее рука против воли потянулась к тарелке...

– Думаю, она пытается украсть мой картофель фри, – услышала она мужской шепот.

А кто-то прошептал в ответ:

– А чего еще можно ожидать от такой, как она?

Даника застыла на месте. На мгновение она забыла о своем голоде, и ее захлестнули эмоции. Печаль, огорчение и смущение были самыми сильными. «Вот во что превратилась моя жизнь». Из любимой, защищенной от невзгод дочери она превратилась в спасающуюся бегством женщину, скрывающуюся в ночной темноте. Из уважаемой художницы – в официантку.

– Я несказанно удивлен, но...

- Проверь бумажник перед уходом.

Эти двое приводили ее в замешательство. Ей не стоило даже смотреть на них, она ощущала на себе их пристальные, осуждающие взгляды. Они три раза приходили перекусить в кафе «У Энрике», и каждый раз она получала сильный удар по своей самооценке. И это было странно. Они никогда не говорили грубостей, всегда улыбались и благодарили ее, когда она приносила заказ, но в их глазах светилось нескрываемое отвращение.

Она про себя называла их Братья Птенчики, желая хоть как-нибудь унижить.

«Не привлекай к себе внимания», - подсказал ей здравый смысл. В последнее время это стало ее основным правилом существования.

- Советую больше не воровать еду с тарелок, - резко отчитал ее босс. Энрике был владельцем кафе и по совместительству поваром блюд быстрого приготовления. - А теперь шевелись поживее. Их еда остывает.

- Вообще-то она очень горячая. Они могут обжечься и подать иск в суд. - Тарелки обжигали ее ледяную кожу, она не могла согреться уже несколько недель. Даже сейчас, в душной кухне, она была в свитере, который купила за три доллара девяносто девять центов в лавке дешевых товаров на этой улице. Но, к ее ужасу, тепло, исходящее от тарелок, не согревало.

Конечно, скоро с ней непременно случится что-нибудь хорошее. Разве добро и зло не соблюдают баланс? Когда-то она так думала. Верила, что счастье поджидает за каждым углом. К сожалению, Даника поняла, что это не так.

У нее за спиной, за окнами, откуда открывался соблазнительный вид на центр ночного Лос-Анджелеса, проносились автомобили и прогуливались люди, беззаботно смеясь. Еще совсем недавно и она была такой же.

Даника устроилась в это кафе, работала не покладая рук, потому что Энрике платил ей из-под полы, не требуя номер социального страхования. Только наличными, в обход уплаты налогов. Она могла в любой момент бросить работу и исчезнуть.

Неужели ее мать тоже так жила? И сестра? А бабушка, жива ли она еще?

Два месяца назад они решили отправиться в Будапешт, любимый город ее дедушки. Волшебный город, как он частенько говаривал. Они собирались помянуть его в годовщину смерти и наконец навсегда попрощаться с ним.

И это была самая большая ошибка.

Их похитили и посадили под замок. И похитили самые настоящие монстры. Создания, которых боялся бы сам Бугимен, пугливо заглядывая в шкаф перед сном. Создания, которые иногда выглядели как люди, а иногда – нет. Порой Даника отчетливо видела скрывавшиеся под человеческим обликом клыки, когти и черепа.

Однако удача улыбнулась ей и ее близким, и они спаслись. Однако Данику снова схватили, но ей опять повезло. Но ее предупредили: «Беги, прячься. Скоро за тобой станут охотиться. И если найдут, тебя и твою семью убьют».

И они обратились в бегство. Решили разделиться, чтобы их было сложнее поймать. И спрятались, стараясь стать как можно более незаметными. Даника сначала отправилась в Нью-Йорк, город, который никогда не спит, пытаясь затеряться в толпе. Однако монстры снова нашли ее, но ей удалось скрыться, и она отправилась в Лос-Анджелес, стараясь заработать денег, чтобы хоть как-то свести концы с концами и оплатить курсы самозащиты.

Сначала она каждый день созванивалась с близкими, пользуясь номерами телефонов проверенных друзей. А затем бабушка Даники перестала отвечать. Больше никаких звонков.

Неужели монстры нашли ее и убили?

В последний раз Даника разговаривала с бабушкой, когда та приехала в маленький городок в Оклахоме. У нее там жили друзья, и ей не следовало так привлекать к себе внимание, но она просто устала от бесконечного бегства. Но даже эти друзья уже несколько недель не видели ее. Бабушка Мэллори пошла на рынок и не вернулась.

При мысли о том, какие страшные страдания могла испытать ее любимая бабушка, сердце Даники сжималось от горя и тоски. Она не могла позвонить маме или сестре, чтобы спросить, знают ли они что-нибудь о судьбе бабушки. Они тоже перестали выходить на связь. Ради их общей безопасности, как сказала мама во время их последнего разговора. Звонки могли отследить, поэтому мобильные телефоны представляли опасность.

Ее глаза защипало от слез, подбородок задрожал. Нет. Нет! Что ты делаешь? Она не могла сейчас думать о своей семье. Слова «что, если» сковывали ее волю.

– Ты долго копаешься, – пробурчал Энрике, отвлекая Данику от мрачных мыслей. – Пошевеливайся. Твои клиенты ждут, и если они откажутся от заказа, потому что еда остыла, тебе придется за нее заплатить.

Ей хотелось швырнуть в него тарелками, но в голове вовремя прозвучал сигнал: «Не обращать внимания!» – и потому она улыбнулась и бодро привстала на цыпочки, ее старые кеды противно зашуршали. Гордо вскинув голову и распрямив плечи, она направилась к столику, чувствуя, как внутри все сжимается от ужаса. Оба мужчины мрачно следили за ней. Они определенно принадлежали к среднему классу, судя по недорогой одежде и простым стрижкам. Их грубую кожу покрывал темный загар, и они вполне могли сойти за строительных рабочих. Если так, то они пришли сюда не сразу после работы. На их футболках и джинсах не было ни пятнышка.

У одного в зубах была зажата зубочистка, и он быстро перекачивал ее из одного уголка рта в другой, движения ускорялись по мере ее приближения. Руки Даники дрожали от усталости, но она смогла поставить тарелки перед каждым мужчиной, не уронив еду им на колени. Завиток чернильно-черных волос выскользнул из ее хвоста и скользнул по виску.

Выпрямившись, она убрала непослушные завитки за уши. До поездки в Будапешт у нее были длинные светлые волосы. После Будапешта она остригла их до плеч и покрасила в черный цвет, чтобы изменить внешность. Еще одно преступление монстров.

– Простите за картофель фри. – Несмотря на явное отвращение к ней, эти мужчины давали щедрые чаевые. – Я не собиралась его съесть, просто хотела поправить на тарелке. – Боже, раньше она никогда не лгала.

– Не беспокойтесь, – ответил Птенчик номер один, не в силах скрыть раздражение в голосе.

«Только не отказывайтесь от еды. Пожалуйста, не отказывайтесь от еды». Она не могла позволить, чтобы ее лишили части заработка.

– Принести вам что-нибудь еще?

Их чашки были полны, поэтому она не стала их забирать.

– У нас все есть, – ответил Птенчик номер два. И снова в вежливых словах прозвучало неприкрытое раздражение. Он расправил бумажную салфетку и разложил на коленях.

Она заметила татуировку в виде крохотной цифры 8 на внутренней стороне его запястья. Поразительно. Если бы кто-нибудь предложил ей пари, Даника поставила бы большие деньги на то, что эта цифра напоминала ей темноволосую женщину с торчащим из-за спины окровавленным топором.

– Хорошо, позовите меня, если что-нибудь понадобится. – Она выдавила из себя улыбку, понимая, что похожа сейчас на дикого волчонка. – Надеюсь, вам понравится еда. – Она уже собиралась уходить.

– Когда у тебя перерыв? – резко спросил Номер два.

Ах, что теперь? Он хотел узнать, когда у нее перерыв? Зачем? Даника сомневалась, что он интересовался этим из романтических побуждений, потому что на его лице по-прежнему читалось легкое отвращение.

– У меня, гм, нет перерыва.

Он положил в рот кусочек картошки, прожевал, а затем облизнул жирные губы.

– А как насчет того, чтобы сделать перерыв сегодня вечером?

– Простите. Не могу. – «Продолжай улыбаться». – Меня ждут другие заказы. – Ей следовало добавить: «Возможно, в другой раз». Пожалуй, это легкое ободрение

смягчило бы его, когда пришло бы время платить по счету. Но слова застряли у нее в горле. «Иди, иди, иди».

Она отвернулась. Ее улыбка погасла. Шесть торопливых шагов, и она оказалась рядом с Джилли, другой официанткой, чья смена выпала на этот вечер. Она стояла около стойки с напитками, наполняя три пластиковых стаканчика содовой. И хотя Даника должна была отправиться к другим клиентам, о чем сообщила незнакомцам, ей нужно было время, чтобы прийти в себя.

– Да поможет мне Бог, – пробормотала она, уперлась ладонями в барную стойку и наклонилась вперед. К счастью, отсюда ее не видели клиенты.

– Не поможет. – Джилли, шестнадцатилетняя девушка, сбежавшая из дома, для незнакомых – восемнадцатилетняя, устало, но с участием взглянула на Данику. Они обе работали по четырнадцать часов в сутки. – Думаю, он уже забыл о нас.

Пессимизм, исходящий от столь юного создания, выглядел удручающе.

– Я отказываюсь в это верить. – Похоже, она становится заправской лгуньей. Даника тоже не верила, что Богу было до них дело. – Ведь было же у нас в жизни что-то удивительное. – «Да. Точно».

– Самое удивительное, что произошло со мной, – это то, что Братья Птенчики снова сидят за твоим столиком.

– Ты шутишь? Они улыбаются тебе так, словно ты Сахарная Фея, и ухмыляются при виде меня так, словно я Злая Волшебница с Запада. Не понимаю, что я им сделала и почему они снова пришли именно ко мне.

Когда они снова уселись за ее столик, Даника испугалась, что снова окажется во власти кошмара, из которого недавно вырвалась. Но она ни разу не заметила у незнакомцев дьявольских черт и в конце концов успокоилась.

Джилли расхохоталась:

– Хочешь, чтобы я их прирезала ради тебя?

– Нет, Джилли, это уже чересчур. Это уголовное преступление, а ты не тот человек, которому пойдут наручники.

Улыбка девушки погасла.

– Уж я-то знаю, – пробормотала она.

Данике очень хотелось посоветовать девушке вернуться домой, ведь жизнь с матерью не могла быть такой уж ужасной. Но вместе с тем Даника понимала, что, возможно, жизнь с матерью была сущим адом. За то недолгое время, что жила здесь, Даника видела ужасные вещи... Женщин с пустыми глазами, продававших себя за деньги. Жестокие драки. Передозировку наркотиков. Если юная девушка предпочла сбежать от матери на улицу, значит, у нее были на то серьезные причины.

Когда-то Даника считала этот мир безопасным и прекрасным местом, в котором было полно удачных возможностей. Теперь ее глаза открылись.

– Ты пойдешь завтра утром на тренировку? – спросила она, переводя разговор на безопасную тему. Она работала здесь всего неделю, но все это время каждый день они вместе с Джилли посещали занятия по самообороне, учась драться, а если надо, уничтожить своего противника. Кроме семьи, эти занятия были единственным, что помогало Данике жить дальше.

Она больше никогда не будет беспомощной.

Джилли вздохнула и посмотрела на нее. Даника в очередной раз подумала, что девушка была слишком юной и свежей для такой нелегкой жизни. Темные, до подбородка, прямые волосы. Большие карие глаза. Нежная кожа. Она была среднего роста и великолепно сложена. Невинность соседствовала в ней с пробуждающейся чувственностью. И сейчас она была единственной подругой Даники.

– Ноги отказываются мне подчиняться, но я пойду. А ты?

– Непременно.

В последнее время друзья стали для нее непозволительной роскошью, но едва взглянув на печальную, смелую девушку, Даника ощутила, что они похожи.

– Возможно, нам удастся снова победить тренера. Это было здорово.

Впервые за долгое время она усмехнулась.

– Возможно.

Сквозь шум голосов, наполнявший кафе, до них донесся звонок колокольчика. Еще один заказ. Однако ни одна из них не пошевелилась.

– Признаюсь тебе, – тихо произнесла Джилли, положив руку на талию. – Когда Чарльз приказал нам нападать, меня захлестнула ярость. Я могла бы убить его, а потом посмеяться.

– И я тоже. – Грустно, но эти слова были правдой.

«Представьте, что я – ваш враг, и покажите то, чему научились. Нападайте», – сказал Чарльз, и они выполнили его приказ.

В тот вечер ему наложили множество швов, но, к счастью, Чарльз не стал делать из этого трагедию.

Мрачная ярость захлестнула Данику, когда перед ее мысленным взором промелькнули образы Аэрона, Люсьена и Рейеса. Рейес! Она проглотила ком в горле. Ее похитители, ее мучители. Мужчины, которых она должна была ненавидеть всей душой. И она действительно их ненавидела. Кроме одного. Рейеса. Глупая девчонка.

Он постоянно был в ее мыслях. Во сне или наяву. Она ни на секунду не забывала о нем.

Иногда в ее снах он даже вступал в битву с существами из потустороннего мира. Они яростно сражались, и реки краснели от крови. После, раненный и измученный, он всегда приходил к Данике. И она без колебаний принимала его в свои объятия. И он целовал ее повсюду, медленно и нежно, словно оставляя свои

метки на ее теле.

И каждое мгновение, проведенное с ним в ночных грезах, делало ее желание нестерпимым, и, казалось, он стал единственным, что ей было нужно в этом мире. Он был ей необходим, словно воздух. Он стал для нее наркотиком, превратившись в ужасное наваждение.

«Что со мной такое?» Он по непонятной причине похитил ее, удерживал в заложниках ее семью. Он не заслуживал ее страсти! Почему она так отчаянно тосковала по нему? Он был красив, пожалуй даже чересчур, но другие мужчины тоже были красивы. Он был силен, но использовал эту силу против нее. Он был умен, но абсолютно лишен чувства юмора. Он никогда не улыбался. И все же она еще никогда так сильно не желала мужчину, как желала Рейеса.

У него были темные волосы, как у Джилли, и нежная кожа цвета меда с расплавленным шоколадом. И от него исходила та же неуловимая чувственность, словно он испытал боль любви и эта боль навсегда отпечаталась в его душе.

Однако на этом сходство заканчивалось. Рейес был высок и мускулист, как истинный воин. Он носил бесчисленное множество оружия, которое невозможно было скрыть под одеждой, ножи были пристегнуты к ремешку вокруг головы, закреплены на запястьях, лодыжках и талии. Каждый раз, когда она его видела, его тело покрывали боевые ранения, порезы на руках и ногах, а на лице виднелись синяки. Он был воином до мозга костей.

Они все были такими, эти самопровозглашенные Владыки Преисподней.

А она называла их Властители Ночных Кошмаров из-за ужасных снов, которые снились ей после встречи с ними. И все же эти сны не шли ни в какое сравнение с тем, кем эти мужчины были на самом деле.

У Аэрона были черные прозрачные крылья, и он мог летать, словно птица или злобный дракон. У Люсьена – разноцветные глаза, увлекавшие его жертву в гипнотическую бездну прежде, чем он внезапно исчезал, словно никогда и не существовал вовсе. Его всегда сопровождал аромат роз, сладкий и соблазнительный.

Каким магическим даром обладал Рейес, Даника не знала.

Она помнила лишь о том, как однажды он ее спас. Как сражался со своим другом-воином ради нее. Почему он предпочел причинить боль другу ради ее спасения? Почему он смотрел на нее так, словно в ней весь смысл его существования? И почему позволил ей убежать?

Разве это важно? Он один из них. Такой же монстр. Не забывай об этом.

Раздался еще один звонок, прерывая ее мысли.

- Девушки! - завопил Энрике.

Джилли застонала.

Даника потеряла затылок. Передышка закончена. Она распрямила спину. Краем глаза заметила, как один из ее клиентов машет рукой, чтобы привлечь ее внимание. Она сказала Джилли:

- Тогда я найду за тобой... в четыре тридцать завтра утром? Идет?

- Давай лучше в пять. Да, я, конечно, устала, но непременно пойду. - Джилли отвернулась и стала собирать стаканчики с напитками.

Даника занялась своими делами. Следующие десять минут она меняла салфетки, наливала кофе для Братьев Птенчиков и выполняла их просьбы. По крайней мере, это отвлекло ее от мыслей о Рейесе.

Затем Птенчик номер один уронил вилку, и ей пришлось принести ему чистый прибор. После этого Птенчику номер два захотелось еще кофе, а потом понадобилась чистая салфетка. Когда Даника наконец попыталась уйти, Номер два схватил ее за запястье, и это прикосновение неприятно обожгло ее кожу.

Но Даника не стала его укорять, напоминая себе, как важно каждое лишнее пенни, а вежливо спросила, чего он хочет, и высвободила руку из его хватки.

- Мы бы хотели поговорить с тобой, - ответил он, снова потянувшись к ней.

Даника отступила на шаг. Если он снова к ней прикоснется, она ударит его. Она больше не позволит незнакомцам дотрагиваться до себя. Ни за что.

– О чем?

В кафе вошла женщина с маленьким ребенком, колокольчик над дверью звякнул, извещая об их появлении.

– О чем? – повторила Даника.

– О работе. О деньгах.

У нее округлились глаза. Господи. Они приняли ее за проститутку? Так вот что они имели в виду, когда говорили «такая, как она». Забавно, они смотрели на нее с отвращением и все же были не прочь воспользоваться ее услугами.

– Нет, спасибо. Меня устраивает моя работа. – Что ж, не вполне устраивает, но им совсем не обязательно об этом знать.

– Даника! – крикнул Энрике. – Люди ждут.

Мужчины взглянули на дверь и нахмурились.

– Поговорим позже, – сказал Номер два.

Как насчет никогда? Seriously. Проститутка? Даника оказалась ближе к входу, чем Джилли, и потому взяла два меню и положила на стол новым посетителям. Они были слегка неопрятны, измождены, мятая одежда испещрена пятнами. От таких не дождешься хороших чаевых, но Даника искренне улыбнулась им. И она немного завидовала этим двоим.

Она так скучала по своей матери.

– Что будете пить?

– Воду, – ответили они в унисон.

Мальчик печально смотрел на соседний столик, на стаканчики с ледяной содовой, покрытые крохотными капельками конденсата. Даника склонила голову набок, ее наметанный глаз художника мгновенно ухватил удачный вариант портрета, и от этого у нее сжалось сердце. Желания мгновенно упрощались, стоило лишиться человека всего самого необходимого.

«Ты ведь не собираешься больше рисовать, помнишь?»

Рисование – слишком большая роскошь, когда твой мир может рухнуть в любой момент. Кроме того, она должна была испытывать чувства, чтобы рисовать. И не только счастье. Для того чтобы рисовать, ей необходим широкий спектр эмоций. Ярость, грусть, блаженство. Ненависть, любовь, скорбь. Без этих чувств она просто смешивала краски и размазывала по холсту. Но, испытывая все эти чувства, она могла потерять бдительность, которая необходима, чтобы остаться в живых.

подавив грусть, которую она не могла себе позволить, Даника протянула посетителям их меню.

– Я принесу вам напитки, и вы сделаете заказ.

– Спасибо, – ответила мать мальчика.

Когда она направилась к фонтанчику для питья, Птенчик номер два снова схватил ее за руку и крепко стиснул ее. Даника сжалась, ощутив, как кожу опалила вспыхнувшая внутри ярость. Она не могла справиться с этим чувством, не могла подавить его так же легко, как грусть. Воображаемый лед, в который все это время была закована ее кожа, внезапно начал таять.

– Когда ты заканчиваешь работу?

– Я не заканчиваю.

– Мы спрашиваем ради твоего же блага. Этот мир – опасное место, и если ты не один из плохих парней, не стоит бродить вечером в одиночку.

– Еще раз меня схватишь, – процедила она сквозь стиснутые зубы, не обращая внимания на его притворную заботу, – сильно об этом пожалеешь. Я не проститутка и не ищу никакой работы. Ясно?

Незнакомцы уставились на нее с разинутым ртом, а Даника резко отдернула руку. Она торопливо отошла от их столика, боясь натворить глупостей. Выполняя заказ матери и сына, она чувствовала, как сильно дрожат ее руки. Сердце бешено билось в груди. «Ты должна успокоиться. Дыши глубже. Вот так». Наконец ее мышцы расслабились, и она перестала чувствовать пальцы незнакомца на своей руке.

На обратном пути она старательно избегала Братьев Птенчиков, не приближаясь к их столику. Когда мать мальчика увидела, что Даника принесла ребенку кока-колу, она хотела было возразить, но Даника остановила ее, подняв вверх все еще дрожащую ладонь. Она до сих пор не пришла в себя после прикосновения Номера два. Еще один глубокий вдох и выдох.

– За счет заведения, – прошептала Даника.

Энрике не делал поблажек даже своим официанткам и, услышав слова Даники, непременно вычел бы из ее жалованья доллар девяносто семь центов.

– Если вы согласитесь.

Лицо мальчика засияло от счастья.

– Ты разрешишь, мам? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Женщина с благодарностью взглянула на Данику:

– Хорошо. Спасибо вам.

– Не за что. Уже решили, что будете заказывать? – Она достала из кармана фартука блокнот и карандаш. Ее рука перестала дрожать, но была так напряжена, что Даника случайно сломала грифель. – Ой. Простите. – Она осторожно выудила из кармана запасной карандаш.

Мать и сын сделали заказ, и, записывая, Даника внимательно оглядывала кафе. Еще одна семья вошла в зал. Она окинула их небрежным взглядом. Она почти перестала вздрагивать, когда появлялись новые посетители. Первое время Данике постоянно казалось, что вот-вот появится Рейес, забросит ее на плечо и умчится с ней в ночь.

Джилли указала новым посетителям на единственный свободный столик в отдельной кабинке и взглянула на Данику. Они обменялись усталыми улыбками. Даника ощущала сильное беспокойство, окончательно не оправившись от прикосновения Номера два. «Ты же понимаешь, что нельзя так реагировать. Ты должна быть готова ко всему».

– Вы записали? – спросила ее женщина.

Даника снова сосредоточилась на посетительнице.

– Да. Два гамбургера, один простой, другой с соусами, и две картошки фри.

Женщина кивнула:

– Отлично. Спасибо.

– Я передам заказ на кухню. Скоро все будет готово. – Даника вырвала листок из блокнота и направилась к Энрике.

На этот раз ее схватил за руку Птенчик номер один:

– Послушай. Мы не думаем, что ты проститутка. Просто хотим поговорить с тобой. Тебя ждут большие неприятности.

И не успела она опомниться, как чувства взяли верх над разумом. Даника вдруг представила перепуганное лицо сестры в ту ночь, когда их похитили из номера в отеле и увезли в крепость, где монстры стали их стражниками. Она услышала голос матери: «Возможно, твоя бабушка уже мертва. Возможно, ее уже убили».

Перед глазами повисла пелена красного тумана, и Данику захлестнула ярость, превратив ее из обычной женщины в воительницу. «Нападай! Не смей быть

слабой!» Она изо всех сил ударила свободной рукой незнакомца в лицо. Кровь хлынула на его рубашку, закапала на тарелку. Он взвыл от боли, закрыв ладонями лицо.

На смену воплю пришла тяжелая тишина. А затем кто-то уронил чашку. Звон, всплеск. Жидкость разлилась по выложенному плиткой полу. Кто-то выругался. Звуки сделались резкими, как удары грома, пронзая ее рассудок и вытягивая из объятий мстительного тумана.

Даника открыла рот.

Номер два тяжело дышал, его глаза сделались огромными. Он вскочил, тяжело дыша.

– Какого дьявола ты творишь, стерва?

– Я... я... – По ее телу пробежала дрожь. Даника застыла на месте, пытаюсь совладать со смятением. Она только что привлекла к себе внимание. И это очень плохо. – Я... я же предупреждала, чтобы вы меня не трогали.

– Ты напала на него! – Угрожающе надвигаясь на нее, второй мужчина схватил Данику за плечи и встряхнул.

Она могла бы остановить его, могла воткнуть свой карандаш ему в шею и убежать. Но она этого не сделала. Унижение вперемешку с сожалением охватили ее, погасив пламя ярости. «И где теперь твоя невозмутимость?»

– Знаешь что? – злобно произнес незнакомец. – Ты такая же, как они. «Она невинна, – говорили мне. – Будь с ней внимателен. Будь добр к ней». Я не поверил, но послушался. А не следовало. Ты только что доказала свою подлость. Возможно, ты и в самом деле шлюха, их шлюха.

«Ты такая же, как они» – так он сказал. Как кто?

– Простите. Я не хотела... Я... – Она ничего не могла сказать в свое оправдание. Откашлявшись, Даника одернула свой свитер. Кровь, должно быть, испачкала ее ладонь, потому что на одежде выступили алые пятна. – Мне правда очень жаль.

- Черт подери, кто-нибудь, позвоните 911!

О боже. Ей снова придется спастись бегством, а ведь она только начала понемногу успокаиваться. Если это происшествие попадет в газеты... Сердце снова бешено заколотилось у нее в груди.

Из кухни стремительно выскочил Энрике, двойные двери захлопнулись у него за спиной. Он был крупным мужчиной, высоким и грузным, и производил внушительное впечатление. Поредевшие волосы упали ему на глаза, когда он рявкнул:

- Девчонка, ты уволена. И это меньшая из твоих проблем. Иди в подсобку и жди копов.

Конечно, она уволена. И в глубине души Даника понимала, что он собирается лишить ее сегодняшнего заработка.

- Я пойду, - солгала она, - как только ты мне заплатишь. Ты должен мне за...

- Немедленно убирайся на кухню! Ты мне посетителей распугаешь.

Даника огляделась, и ее взгляд упал на мать с сыном. Женщина одной рукой обняла ребенка, словно защищая его, а другой отодвинула кока-колу, которую принесла им Даника. Оба в ужасе смотрели на нее. «Но я ведь просто защищалась».

Даника отвернулась и увидела Джилли. Девушка направлялась к ней, на ее лице застыло беспокойство. Судя по всему, она собиралась встать на защиту Даники. Тогда она потеряет работу и сегодняшнюю зарплату, а Даника не могла этого допустить.

- Я подожду полицию у себя дома, - солгала она.

- Нет, - отрезал Энрике. - Ты...

Развернувшись, она вышла из кафе, вскинув голову и распрямив плечи. К счастью, никто не попытался ее остановить, даже Птенчик номер два. Ее окутал

теплый вечер, освещенный неоновыми огнями, в свете которых торопилось по своим делам множество людей. Ей казалось, что все вокруг смотрят на нее.

Боже, что же ей теперь делать?

Она ускорила шаг и теперь почти бежала. В кармане у нее было сорок долларов. Хватит на автобусный билет куда-нибудь далеко. Куда же ей отправиться? Возможно, в Джорджию. Персиковый штат находится достаточно далеко отсюда. А главное, она будет проезжать через Оклахому и может заодно попытаться найти бабушку.

Внезапно кто-то за спиной втолкнул ее в темный переулок. Она сильно ударилась о тротуар и несколько секунд не могла дышать. Острые камни разорвали ее тонкий свитер и топ и впились в кожу. Колени обожгло от соприкосновения с асфальтом. В глазах заплясали белые искры.

– Чертова стерва! – прорычал над ухом мужской голос, брызжа слюной на ее волосы. Птенчик номер два. Он не дал ей скрыться. – Неужели ты решила, что я позволю тебе снова сбежать? Ты наша, крошка, и станешь страдать, как и твои друзья. Мне не разрешили их убить, но ты... ты станешь умолять о смерти.

Инстинкт самосохранения снова сослужил ей службу. «Не кричи, просто защищайся. Не реагируй, просто бей». Эти слова врезались в память и теперь стали частью ее существа, как нога или рука. Когда нападавший схватил ее за волосы, поднимая с земли, она резко развернулась ему навстречу. Ее голову обожгла боль, когда часть волос осталась в его руке, но это не остановило Данику. Она резко выбросила вперед руку, вцепившись ему в лицо, и вывернулась из его хватки, пока он хватал ртом воздух.

Удар.

Раздался громкий вопль. И он выпустил ее.

Теплая жидкость потекла по ее пальцам, капая вниз. Что это... Внезапно ее озарила мысль, что она все это время сжимала в руке карандаш, который вонзила в его шею. Именно это она хотела сделать еще в кафе.

– О боже. О боже! – Даника с трудом устояла, потрясенная до глубины души.

У нее подгибались ноги, и ей пришлось обхватить его за плечи, чтобы удержаться на ногах. Ужас захлестнул ее, когда мужчина упал на колени, захлебываясь кровью.

Лунный свет проскользнул между домами, осветив его бледные, искаженные болью и ужасом черты. Он пытался что-то сказать, но не мог произнести ни слова.

– Простите! – Она разжала пальцы, отпустив его. Вытянув вперед руки, Даника смотрела, как кровь медленно капает на землю с ее ладоней. Паника смешалась с ужасом. Самообладание окончательно покинуло ее.

Даника начала медленно пятиться. О боже. О боже. «Ты убийца!» – кричал ее внутренний голос. Металлический запах его крови смешался с запахом мочи и дезодоранта.

Номер два резко упал, расплывшись на асфальте. Его голова повернулась набок, и глаза, казалось, пристально смотрели на нее, когда он перестал дышать. О боже. К горлу подкатила тошнота. «Ты должна была это сделать. Он бы тебя убил».

Не зная, что делать, Даника бросилась бежать, расталкивая людей, толпившихся на улице неподалеку от переулка. Неоновые огни беспощадно освещали ее, и прерывистое дыхание громким звоном отдавалось у нее в ушах. Никто не пытался ее остановить.

Две недели назад, в Нью-Йорке, один из ее инструкторов по самообороне сказал, что у нее нет инстинкта убийцы.

Если бы так.

«Я такая же, как и те монстры».

Глава 3

«Я знаю, где твоя женщина».

Рейес вытянулся на кушетке, вонзив в руку острый кинжал. Он воткнул его так глубоко, что разрезал пополам вену. Но рана заживала слишком быстро, смыкаясь вокруг лезвия клинка. Кровь запеклась на его коже.

Три дня назад он спрыгнул с крыши и только сейчас оправился достаточно для того, чтобы ходить. К несчастью, демон Боли стал настойчивее, его голос заглушал все вокруг, желая чего-то нового. Но чего, Рейес не знал. И рана на руке совсем не помогла.

Он выхватил кинжал, вновь вспарывая руку. Облизнув губы, Рейес пытался насладиться своей болью. Но рана заживала слишком быстро. Боли никогда не бывало достаточно.

– Ничего не хочешь мне рассказать?

– Ты еще хуже, чем Гидеон. – Рейес гневно уставился на Люсьена, появившегося в дверях. Темные волосы воина ниспадали на плечи, а его разноцветные глаза сверкали в предвкушении ответа.

– Будто это я тебе солгал.

Они были вдвоем в гостиной. Парис, который часто наблюдал здесь по телевизору за плотскими утехами, отправился в город, намереваясь уложить в постель как можно больше женщин. Мэддокс и его подруга Эшлин уединились в спальне. Как обычно.

Сабин вместе с другими воинами заперся в кухне, выгнав Рейеса, истекавшего кровью на столе, и разрабатывали план внезапного нападения на башню Молчаливых в Риме, о котором люди ничего не должны были знать.

Рейес сомневался, что башня укажет им путь к Всевидящему Оку, Плащу Невидимости или Жезлу Разделения, где бы они ни находились, но, томимый тоской, предпочитал молчать. И все же он знал, что прав. Если и можно было

что-то отыскать среди потрескавшихся валунов, мха и пустых раковин морских моллюсков, они бы уже это нашли. Кроме того, Клеть Принуждения, которую они нашли, обыскав храм Всех Богов, не помогла им в поисках ларца Пандоры.

Да, это было отличное оружие. Каждый, кого запирали в этой клетке, подчинялся воле своего хозяина и выполнял любой его приказ. Но кого они собирались запирать в этой клетке? И что приказывать пленнику? Однако он не сомневался, что Люсьен и Аня станут играть с этой клеткой, как непослушные дети, пока не узнают ответы на свои вопросы.

– Рейес, – сказал Люсьен. – Мы говорили о Данике.

– А я не хочу о ней говорить. – Он хотел изгнать ее из своих мыслей, но опасался, что она стала частью его души. Как его демон. Только еще хуже. Она нарушила его бесценное ощущение покоя. И этот покой не возвращался даже тогда, когда он лежал, раненный и измученный, наслаждаясь изысканными страданиями.

– Рассказать тебе, что я о ней знаю? – спросил Люсьен.

«Не обращай внимания на эту приманку. Тебе лучше ничего не знать». Если Рейес остановит поток бесконечной боли, его демон вырвется из-под контроля, желая причинить физические страдания кому-нибудь еще. Демону все равно, кто станет страдать. Именно поэтому Рейес и позволил Данике убежать. Стоит ему найти девушку, и однажды он причинит ей невыносимую боль.

– Скажи мне, – неожиданно услышал он свой хриплый голос.

– Три дня назад она порезала человека.

Этот милый маленький ангел причинил вред человеку? Рейес фыркнул:

– Брось. Теперь я не сомневаюсь, что ты лжешь.

– Разве я когда-нибудь тебе лгал?

Рейес проглотил тошнотворный ком, с трудом произнеся следующий вопрос:

– Откуда ты узнал, что она причинила вред человеку?

– Это не просто вред. Она убила его. Ее жертва пробыла два дня в больнице и умерла сегодня утром. Когда я отправился за его душой, обнаружил у него метку охотника.

– Что?! – Рейес резко вскочил, чувствуя, как в душе закипает ярость. Охотники нашли Данику? И ей пришлось убить одного из них? Теперь он не сомневался, что это правда. Охотники ненавидели его. Они могли видеть Данику в крепости, стали ее преследовать и попытались выманить у нее информацию о Рейесе.

Он стиснул зубы. Проклятые охотники! Они так фанатично верили, что все мировое зло исходит от демонов, обитающих в душах Владык. И безжалостно стремились уничтожить этих духов и мужчин, хранивших их в себе, без колебаний убивая каждого, кого подозревали в дружбе с воинами.

Даника не была его подругой, но охотники об этом не знали. Даже сейчас они наверняка планировали использовать ее как приманку, надеясь таким образом выманить его.

Это все меняло.

– Они ничего с ней не сделали? – Рейес крепко стиснул второй кинжал и в этот момент понял: он готовится к войне.

Люсьен как ни в чем не бывало продолжил свой рассказ:

– Провожая душу охотника в ад, я увидел последние события его жизни.

– Он причинил ей боль? – прошипел Рейес сквозь стиснутые зубы.

– Да.

Боль затопила коридоры его разума, впились когтями в виски.

– Она... – Рейес сжал губы. Он не мог заставить себя произнести эти слова. Не мог даже думать об этом.

- Нет, - ответил Люсьен. - Она жива.

Слава богам. Облегчение затушило ярость, и его плечи устало поникли.

- Там были другие охотники?

- Да.

Люсьен не торопился делиться подробностями.

- Сколько?

- Один. Она сломала ему нос.

- Специально? - спросил потрясенный Рейес.

- Да.

Даника, которую он помнил, была доброй и милой. Он не знал что и думать о проснувшейся в ней тигрице, но готов был поспорить, что происходившие в ней изменения мучили ее.

- Где она?

Он отправится к ней и найдет способ защитить ее от будущих нападений охотников, а затем оставит ее в покое. Он не станет даже разговаривать с ней. Но ему необходимо увидеть Данику и убедиться, что она жива и здорова.

А потом он найдет и жестоко убьет другого охотника, причинившего ей боль. Сломанного носа недостаточно, чтобы удовлетворить его яростную жажду мести.

Люсьен ничего не ответил.

– Через неделю мы отправляемся в Рим на поиски храма. Нам нужны те артефакты.

Так вот что они задумали.

– Я знаю.

– Я хочу, чтобы Аэрон вернулся сюда до нашего отъезда.

– Тогда всем нам будет грозить опасность. Ты забываешь о просьбе Аэрона в угоду своим желаниям.

– Он один из нас. И сейчас мы нужны ему как никогда.

Рейес прошел мимо Люсьена и вышел из комнаты. С тех пор как Аня и Эшлин переехали сюда, старая полуразрушенная крепость превратилась в уютный дом. В ярких вазах благоухали цветы. Стены украшали картины, украденные Аней, на которых в основном были изображены обнаженные мужчины, – она обладала отменным чувством юмора. А в комнатах была расставлена современная мебель.

Старые кушетки были выброшены, а их место заняла мягкая кожаная мебель. Отделанные замысловатой резьбой, гладко отполированные сундуки, железные скамьи с изогнутыми спинками и кушетки с подушками были расставлены в комнатах и холлах. Поначалу Рейес настороженно относился к этим женщинам. А теперь не знал, что бы без них делал. Они были подобны якорю в бурном море.

Его быстрые шаги гулко застучали по лестнице. Он завернул за угол на третьем этаже и резко остановился. Люсьен поджидал около двери его спальни, на его лице застыла решимость.

Стоило Смерти лишь на мгновение подумать о каком-нибудь месте, и Люсьен мгновенно там оказывался.

– Я не сдамся, – сказал Люсьен. – Это должно тебя порадовать. Я не сдался бы, если бы ситуация поменялась и мне пришлось бороться за твою жизнь.

Нахмурившись, Рейес двинулся вперед. Оттолкнув Люсьена плечом, он распахнул дверь. Войдя в комнату, он сразу направился к своему любимому тайнику с оружием.

– Остальные согласны со мной и недовольны, что ты не желаешь говорить об Аэроне. Я попросил их дать мне несколько дней, чтобы вразумить тебя. А потом...

А потом они от него не отстанут. Они считали, что Рейес предпочел Данику Аэруну, а воин не должен выбирать женщину, предавая другого воина. Никогда. Рейес не говорил, что Мэддокс выбрал Эшлин, а Люсьен – Анью. Он не напоминал им, что Аэрон предпочел умереть, но не оставаться тем существом, в которое превратился, и не захотел бы вернуться в крепость. Это лишь причинит вред остальным. Но хуже всего было то, что в глубине души он был согласен с Люсьеном.

Рейес поднял свой «ЗИГ – Зауэр», проверил хромированный магазин. Пистолет был полностью заряжен, и в стволе находился один патрон. Отлично.

– Собираешься идти ей на выручку, вооружившись до зубов?

– Если потребуются. – Рейес положил в карман еще три покрытых резиной магазина и коробку патронов. Множество кинжалов было пристегнуто к его лодыжкам, а на поясе сверкали сюрикены[1 - С ю р и к е н - метательное оружие в виде звезды.].

– Ты не знаешь, где она.

– Это меня не остановит. Я найду ее.

Люсьен глубоко вздохнул:

– Я мог бы перенести тебя к ней. Через несколько секунд ты бы уже был рядом, спасая ее.

«Спасая ее». Даника действительно в опасности или же это хитрая уловка Люсьена? Рейес засунул пистолет за пояс на спине и, склонив голову, положил

ладони на обитый бархатом столик. Некоторое время он молчал, взвешивая все возможные варианты. Тратить время, разыскивая Данику, или освободить Аэрона, который уже успел почувствовать вкус крови?

Ни то ни другое ему не нравилось.

Люсьен услышал, как Рейес вздохнул. Он представил себе свою огромную кровать со смятыми простынями. Впервые встретив Данику, он представлял ее каждую ночь. Ее светлые волосы, разметавшиеся на постели, обнаженное тело, блестящее от желания. Возбужденные соски, отчаянно жаждущие его поцелуев. Раскинутые ноги и влажное лоно.

Иногда эта фантазия сменялась ужасом, когда он представлял кровь и смерть. Даника с перерезанным горлом, ее неподвижное обнаженное тело в алых пятнах крови... И этот ужас может стать реальностью с освобождением Аэрона. «Ты знал, что не сможешь вечно держать его в заточении. Освободи его, спаси ее, а затем защити».

Но это означало, что ему придется находиться рядом с ней. Это усилит притяжение между ней и жадным до смерти Аэроном, а также между ней и Рейесом. Это было опасно, но мысль оказалась удивительно сладкой и головокружительной, словно любовная ласка, если бы Рейес мог находить наслаждение в нежности.

Даника здесь... в его объятиях... Он представил себе ее ангельское лицо. В ее больших глазах перемешались разные чувства: страх, надежда, ненависть... и желание? Маленький вздернутый носик. Пухлые розовые губы, которые проклинали его, беззвучно обещая сладкий восторг. Изящное тело, созданное для мужских ласк.

Он закрыл глаза и внезапно ощутил ее запах. Страстные ночи и невинность, сладкая нега, граничащая с чем-то темным... опасным. Он нахмурился. Темным? Опасным? Раньше она была совсем другой.

– Дай мне руку, – сказал Люсьен, внезапно оказавшись перед ним, его жаркое дыхание опалило щеки Рейеса.

Рейес удивленно взглянул на друга. Он доверял этому мужчине, уважал его, но за последние несколько дней сильно его разочаровал. И хотя Рейес не знал, что задумал Люсьен, он без опасений протянул ему руку.

Не отводя пристального взгляда от лица друга, Люсьен крепко стиснул его пальцы.

В это мгновение все его тело пронзила яркая молния. Его мышцы сжимались и разжимались, словно его подсоединили к электрическому генератору, волны чистого тока проносились по его венам. Его поглотил нестерпимый жар, словно он оказался в чреве у питона, пожирающего свою жертву. Неведомая сила сжимала его тело все сильнее, пока у него не перехватило дыхание. Эта боль была восхитительна. Он закрыл глаза, наслаждаясь ощущением. Его демон довольно заурчал.

Сознание покинуло его на несколько секунд, все вокруг заволочило темной пеленой. А затем вокруг него стали вспыхивать крохотные огоньки, постепенно разрастаясь и освещая все вокруг... Он снова обрел зрение, однако все вокруг было расплывчатым. Едва различимым. И Рейес вдруг увидел Данику, лежащую на постели, как он представлял все это время. Только она не была светловолосой богиней, ждущей его ласк. Она была прикована к кровати, ее когда-то золотистые волосы острижены и выкрашены в черный цвет.

Она дрожала. На щеках остались дорожки от слез, она изо всех сил прикусила нижнюю губу, так что выступили крохотные бусинки крови. В это мгновение его охватила страшная ярость. Даника была создана для удовольствия и света, а не для тьмы и ужаса.

– Она неважно выглядит. – Люсьен отпустил его руку и, сделав шаг назад, смотрел на Данику вместе с Рейесом. – И чем дольше она останется с ними, тем больше боли они ей причинят. Я последовал на похороны за мертвым охотником и в образе духа наблюдал за охотниками, которые пришли попрощаться. Сами того не подозревая, они привели меня к Данике. Они знают, что это она убила их друга. Судя по всему, они схватили ее в ту ночь, когда она ранила его. Они приковали ее к постели и усыпили. Она не может бороться с ними, она беспомощна, уязвима...

– Да! – Рейес резко опустил руку, тяжело дыша. – Да, – повторил он. Теперь он точно знал, что делать дальше. – Отдай мне Данику в обмен на Аэрона. – Возможно, это был ответ на нестерпимую муку. Он думал о том, как спасти и защитить Данику и помочь Аэрону стать тем воином, которым он когда-то был. Хотя Рейес не представлял, как вернуть прошлое. – Но дай мне слово, что, когда вы привезете его сюда, он обретет столь необходимое ему уединение.

– Обещаю. – Люсьен мрачно кивнул. – Знаешь, я делаю это отчасти потому, что Аня считает, что Даника сможет вывести нас на один из артефактов. И я в этом не сомневаюсь. Когда девушка окажется здесь, я использую ее, чтобы найти артефакт.

– Я не сомневаюсь. Но я сам не свой рядом с ней, поэтому не отвечаю за свою реакцию, если ты намеренно причинишь ей вред. – От одной этой мысли его охватила ярость. – Отправь меня к ней.

– Для начала скажи, что понимаешь: спасая ее сейчас, мы все равно потеряем ее позже. Я не хочу, чтобы ты стал обвинять меня, если...

– Она не умрет. – Он этого не допустит. – Хватит болтать. Отправь меня к ней.

«Я боролась за свою жизнь, чтобы теперь вот так погибнуть?» Даника горько усмехнулась. Она только проснулась, не представляя, сколько времени прошло и что с ней сделали. При мысли об этом ей стало нехорошо.

После... схватки... «о боже, только не вспоминай об этом», она ринулась в свою квартиру, чтобы собрать вещи. И это было ошибкой. Ей следовало бросить пистолет и одежду, но у нее было слишком мало денег, чтобы купить новые. И поскольку она еще не научилась воровать, не оставалось другого выбора, как вернуться.

Ее поджидала группа незнакомых людей. Они спрятались в темноте около пожарной лестницы, словно зная, что она обычно ходит этим путем. Словно уже давно наблюдали за ней и хорошо изучили ее привычки.

Она могла бы справиться с одним или двумя. Возможно, даже с тремя нападавшими. Но их оказалось шестеро, у каждого точно такая же татуировка в виде восьмерки, как у того мужчины, которого она... Даника не могла даже мысленно произнести это слово. У каждого из них была такая же татуировка, как у мужчины, умершего в грязном переулке. Они просто нокаутировали ее.

«Ты никогда больше не будешь беспомощной, да?»

Придя в себя, она поняла, что ее надежды не оправдались и эти люди вовсе не копы. Копы не приковывают женщин к кроватям. Кто они такие? И чего хотели от нее?

Ничего хорошего, это и так понятно. Нарастающая паника сковала грудь, кровь застыла в ее жилах. В ушах звенело от ужаса. Челюсть болела от удара. Силы покинули ее, голод грыз изнутри. Она едва дышала.

«Лежи тихо», – приказала Даника себе.

Цепи были тяжелыми и холодными, натирали кожу. Она потянула за цепь, обведя комнату безумным взглядом. Ее взору предстали мягкие кресла с яркими, вышитыми бисером подушками и туалетный столик из красного дерева с квадратным зеркалом в позолоченной раме.

«Это дело рук Рейеса?» – подумала она в следующий момент. Он тоже держал ее в роскоши.

Нет, это не Рейес, решила Даника в следующий момент. Он не из тех, кто отправит других делать за него всю грязную работу. Он явился бы лично, чтобы усмирить ее. Кто же тогда похитил ее? Очевидно, друзья человека, которого она... ранила. Те татуировки...

Неужели эти люди собираются наказать ее за своего друга? Изнасиловать? Подвергнуть пыткам? О боже. А может, они тоже решили, что она проститутка, и планировали продавать ее услуги?

В глазах защипало от слез. Даника осталась совсем одна. Она продолжила тянуть цепи, пытаясь вырваться из их хватки. Пот стекал с ее кожи, впитываясь

в простыни на постели. Вскоре одежда выскользнула из-под железных оков, не сдерживая ее движения. Ее обнаженная кожа была исцарапана, кровь выступила на запястьях и лодыжках.

Раздался стук в дверь.

Сердце замерло, и Даника сжала губы, подавив стон. Она застыла неподвижно. Может, стоит притвориться спящей?

Единственная дверь в комнате со скрипом приоткрылась, и появился высокий мужчина обыкновенной внешности. Даника не смогла заставить себя закрыть глаза и продолжала изучать его. На нем была белая рубашка и черные брюки. Возраст – около тридцати. Его темные волосы были аккуратно зачесаны назад. Большие глаза были зелеными, как и у нее. Этот человек не производил впечатления убийцы. Он казался спокойным, даже дружелюбным.

Однако ее ужас не утихал.

Даника проглотила внезапно подкативший к горлу ком. Она закусила щеку и почувствовала привкус крови. «Ни звука. Не показывай свой страх». Она принялась дышать ровно и глубоко, стараясь успокоиться.

– Отлично. Ты проснулась, – сказал мужчина и тут же добавил: – Расслабься, милая. Я не сделаю тебе ничего плохого.

– Тогда снимите цепи. – И эта мольба сделала тщетными все ее попытки казаться сильной.

– Прости. – В его голосе слышалось искреннее огорчение. – Цепи – это необходимость.

– Просто отпустите меня и...

Он поднял руку, и она умолкла.

– Боюсь, у нас мало времени. Меня зовут Дин Стефано. Друзья зовут меня Стефано, и, надеюсь, ты тоже станешь так меня называть. А ты – Даника Форд.

– Отпустите меня. Прошу вас.

– Я отпущу тебя, но позже. – Он вскинул брови. – Давай перейдем к сути дела, ладно? Что тебе известно о Владыках Преисподней?

О Владыках? Так речь шла о другом похищении? С ее губ сорвался истерический смех. В какие еще неприятности втянули ее Рейес и его компания?

– Расскажи мне.

– Ничего... – ответила Даника, потому что не знала, какого ответа ждал от нее Стефано. – Я ничего не знаю ни о каких Владыках.

В его глазах мелькнуло раздражение.

– Ложь только еще больше навредит тебе, моя дорогая. Поэтому давай попытаемся еще раз. Ты провела некоторое время с группой мужчин в Будапеште. И это не просто мужчины, а, бесспорно, самые жестокие создания на свете. И все же они не причинили тебе вреда. А значит, они считали тебя другом.

– Они монстры, – ответила Даника, надеясь, что он хочет услышать именно это. – И я их ненавижу. Я не знаю, зачем они меня похитили и почему отпустили. Наверное, хотели поразвлечься. – От ее слов веяло ненавистью. – Отпустите меня. Прошу вас. Я не хотела причинить вред... Это был несчастный случай, и я... – Ее глаза заволкло слезами.

Стефано вздохнул:

– Мы оставим тебя здесь до тех пор, пока не решим, что с тобой делать. Пока мы тебя не тронем. Ты убила одного из наших сильных воинов, Даника, одного из лучших. Нам очень не хватает Кевина. Его жена неустанно оплакивает его, она отказывается есть и умоляет убить ее, чтобы она могла воссоединиться с ним. Ты слишком много нам должна, согласна?

Похоже, он надеялся, что его слова заставят ее ощутить ужасную вину, которая причинит ей душевную боль.

– Прошу вас. Я хочу вернуться домой. – Впрочем, у нее больше не было дома. Даника снова рассмеялась, чувствуя охватившее ее странное безумие. У нее кружилась голова. – Пожалуйста.

Однако лицо Стефано осталось непроницаемым.

– Владыки – Мэддокс, Люсьен, Рейес, Сабин, Гидеон – так они себя называют. Мне продолжать? Они демоны, созданные на небесах, но низвергнувшиеся из преисподней в наш мир. Ты знала об этом?

Даника широко раскрыла глаза, чувствуя, как у нее перехватило дыхание.

– Де...демоны? – Еще несколько месяцев назад она недоверчиво закатила бы глаза. А теперь она лишь кивнула. Это многое объясняло. Она видела, как изменялись лица ее похитителей, превращаясь в черепа. Ее нес через весь город человек с крыльями. Она видела вырастающие внезапно когти и огромные крылья, слышала крики и стоны боли и страданий.

Демоны. Как те, которых она видела во сне, на ее тайно нарисованных картинах. Неужели она еще в детстве предчувствовала, что жизнь приведет ее в Будапешт, к Рейесу и его друзьям? А затем столкнет с этим мужчиной? Неужели кошмары, с которыми ей постоянно приходилось бороться, были подготовкой ко всему происходящему сейчас?

– О да. Ты веришь. Ты видишь правду. – Стефано направился к ней, от него исходила ненависть. И эта ненависть превратила его из спокойного и дружелюбного незнакомца в злобное чудовище. – Смерть – это демон. Разрушение – это демон. Болезнь – это демон. Все известные пороки, все зло, которое когда-либо существовало в этом мире, следуют за ними по пятам.

Он приближался, и Даника в ужасе сжималась на кровати.

– П-причем здесь я?

– Значит, никто из твоих близких никогда не умирал? А то, чем ты владела, никогда не разрушали? Тебе никто не лгал? И болезни тебя миновали?

– Я... я... – Даника не знала, что ответить.

– Ты по-прежнему не веришь в их вероломство? Один из этих демонов соблазнил мою жену. Она была чистой и верной и никогда бы не предала меня по своей воле. И все же каким-то образом демон, соблазнивший мою жену, убедил ее, что она – зло и должна умереть. И она убила себя, а я нашел ее повесившейся в нашем гараже. – В его голосе зазвенел металл, лицо окаменело.

Даника знала, каково это – найти мертвым любимого человека. Она обнаружила своего дедушку после инфаркта, и ее до сих пор преследовал образ его безжизненного тела, искажая воспоминания о том, каким он был при жизни.

– Я соболезную вашему горю.

Стефано сглотнул, прежнее самообладание вернулось к нему.

– Благодаря этой потере я обрел цель в жизни. И я разделил ее с тысячами людей по всему миру. Владыки – это тьма, мы – свет, и мы не собирались смиряться со злом, которое они несли в этот мир. Наш мир, – добавил он. Стефано закрыл глаза, словно наслаждаясь вкусом надежды. – Как только мы захватим в плен Владык и навсегда нейтрализуем их зло, все будет так, как и должно быть. Жизнь станет прекрасной... безмятежной. Идеальной.

«Пусть говорит. Не дай ему вспомнить о тебе».

– Зачем брать их в плен? Почему не убить?

Он медленно открыл глаза, счастливый взгляд исчез. Он пристально смотрел на нее, словно хотел заглянуть в душу. Ощущение было жутким.

– Убив их, мы освободим демонов, позволив этим отвратительным чудовищам спокойно разгуливать по земле. Плоть и дух должны быть неотделимы друг от друга. – Он пожал плечами, но его взгляд сделался жестким. – До тех пор, пока мы не найдем ларец.

– Ларец? – Даника пыталась казаться спокойной, осторожно повернула запястья в кандалах. Они были тугими, но ее кожа намочила от пота. Если бы она смогла

выскользнуть из оков... И что бы она сделала? Убежала? Демоны преследовали ее семью. Смогут ли ее близкие когда-нибудь снова почувствовать себя в безопасности?

- Ларец Пандоры, - ответил Стефано, пристально глядя на нее.

Ее глаза округлились, и Даника замерла. Возможно, это сон? Еще один кошмар?

- Вы шутите? - Бабушка часто рассказывала ей истории о Пандоре и ее печально известном ларце. - Это миф. Легенда.

Он скрестил руки на груди, и ткань рубашки туго обтянула его мускулистое тело. Судя по всему, он занимался физическими упражнениями и тренировался с оружием, как и Владыки.

- И думаешь, демоны не ходят по земле?

У нее все внутри сжалось от страха.

- Я расскажу тебе одну историю, хорошо? Слушай внимательно.

Он умолк, дожидаясь ответа. Даника кивнула.

Это послужило сигналом. Он начал свой рассказ:

- Через несколько сотен лет после создания земли из ада сбежала стая демонов. Это были самые отвратительные существа, которых когда-либо производили на свет Гадес и его брат Люцифер. Они были неуправляемы, сущие дети ада. Чтобы спасти свой мир, боги создали ларец, используя кости богини Угнетения. Хитростью они смогли заманить внутрь демонов и запереть их там.

- Я знаю продолжение истории, - прошептала Даника, чувствуя подступавшую к горлу тошноту.

Стефано вскинул бровь:

– Расскажи.

– Боги приказали Пандоре охранять ларец.

Он кивнул:

– Да.

– Пандора открыла ларец, – продолжала Даника наиболее известную версию истории. Однако бабушка рассказывала ее по-другому.

– Нет. Вот где кроется ошибка. – Стефано обвел кончиком пальца свою татуировку. – Пандора была воительницей, величайшей женщиной-воином того времени. Ларец отдали ей на хранение. Она не открыла бы его даже под страхом смерти.

Даника снова попыталась вытащить руку из железных тисков, но на этот раз усилие было едва заметным. Неожиданно она почувствовала, что ее заморозил этот рассказ, и ей хотелось узнать продолжение. Стефано только что подтвердил слова ее бабушки, которая рассказывала ей совсем другую легенду.

– И?..

– И лучшие воины богов разгневались, что не их выбрали, чтобы охранять ларец, их гордость была задета. Они решили доказать богам, как те ошибались. Пока один по имени Парис соблазнял Пандору, остальные сражались с ее стражами. В конце концов воины победили. Их предводитель по имени Люсьен открыл ларец и выпустил ужасных демонов в непорочный мир. И снова воцарились Смерть и Тьма.

Даника вжалась в матрас. Она смотрела в потолок, пытаясь представить себе жестокого и грубого Рейеса, о котором ей рассказывал Стефано. Гордого, ревнивого. Когда Даника была с ним, Рейесу было все равно, что о нем думают другие. Он выкрикивал приказы и раздавал команды. Он был угрюмым и задумчивым.

– И что дальше?

– Ларец исчез. Никто не знал, куда его спрятали и кто это сделал. У богов не осталось другого выбора, как собрать демонов и поселить их в воинов, ответственных за произошедшее, а затем отправить тех на землю. Эти мужчины потеряли остатки своей человечности, они стали своими демонами, искупав наш мир в крови. И они продолжают нести зло всем нам. Пока они на свободе, никто не может чувствовать себя в безопасности. – Склонив голову набок, Стефано потер шею, его лицо сделалось задумчивым. – Я уже спрашивал тебя, но хочу спросить еще раз. Ты можешь представить мир без ярости, боли, лжи и страданий?

– Нет. – Даника не могла. За последние несколько месяцев она испытала столько горя. В ее жизни не осталось места хорошему.

– Владыки убили твою бабушку, Даника. Ты знаешь об этом?

– Вы не знаете этого наверняка! – закричала она в ответ. На глаза навернулись слезы, но Даника смогла сдержаться и не разрыдаться. – Возможно, она еще жива.

– Нет.

– Откуда вам известно? – В ее охрипшем голосе прозвучала паника. – Вы не можете этого знать, если только... если...

– Я видел ее.

О боже, о боже, о боже. Нет. Черт подери, нет!

– И вы ее видели мертвой? – едва слышно произнесла она.

– И да и нет, – признался Стефано. – Один из моих людей видел Аэрона, который нес ее обмякшее тело на плече. Они исчезли в каком-то доме, и мой человек не смог за ними проследить. – Стефано огорченно потер переносицу. – Поначалу мы хотели проследить за тобой и дождаться, когда Владыки снова придут. Мы решили, что ты нужна им для чего-то важного, и собирались сами захватить тебя в плен. Но ты постоянно скрывалась, словно не хотела, чтобы они тебя нашли. И это меня заинтриговало.

Как будто ей есть дело до его планов! Неужели бабушка погибла? Обмякшее тело не значит труп. Бабуля Мэллори вполне могла быть жива и весело смеялась, наслаждаясь своим любимым супом. Даника ясно представила себе эту картину и едва не расплакалась, отчаянно желая, чтобы это оказалось правдой.

Видение исчезло, и внезапно Даника ясно увидела свою бабушку с кинжалом в груди. Нет. Нет! Ей хотелось завопить во все горло. «Эмоции только навредят тебе. Ты это знаешь. Ты не должна падать духом. Это сейчас не так уж и важно, – подумала она, едва сдерживаясь. – Вряд ли я смогла бы сейчас убежать».

– Ты можешь помочь нам поймать их, Даника. Тогда они не смогут больше ни с кем сделать того, что сделали со мной и с тобой. Ты сможешь их наказать за то, что они причинили вред твоему близкому человеку. И твоя семья наконец перестанет прятаться. Вы сможете снова быть вместе.

Без бабули Мэллори?

На этот раз Даника не смогла сдержать рыданий. Ее подбородок задрожал, и горячие слезы потекли по щекам.

– Помоги мне, – настойчиво продолжил Стефано. – А я помогу тебе. Я стану охранять тебя и твою семью до тех пор, пока все Владыки не погибнут. Эти демоны никогда больше не причинят тебе боль. Клянусь честью.

Знать, что ее семья в безопасности и никто им больше не навредит... Ей было наплевать на условия сделки, даже если бы пришлось продать душу дьяволу. Надежда, что Стефано поможет ее матери и сестре, оказалась слишком заманчивой. А чувство мести было всепоглощающим.

– Что я должна делать?

Одного за другим Люсьен переправил воинов в заброшенное здание. Только что они были в крепости под Будапештом, где царила ночь, и в мгновение ока оказались там, где ярко светило солнце.

Последним был Рейес. Когда в прошлый раз Люсьен переправил его телепортацией, Рейеса вырвало. Но сейчас беспокойство за Данику оказалось столь сильным, что он и думать забыл о тошноте.

Вдохнув запах пыли и старой штукатурки, Рейес открыл глаза. Серебристые стены каменной крепости исчезли, уютного дома как не бывало. Его взору предстали серые стены, цементные полы и груды старых досок. Несколько окон были разбиты и затянuty черными мешками для мусора, которые наполовину оторвались и словно приглашали заглянуть в неведомый мир тишины и спокойствия, вдруг подумал он, не видя и не слыша никого и ничего вокруг.

Остальные воины обыскивали здание в поисках врага, держа наготове кинжалы и пистолеты. Все, кроме Аньи, отправившейся вместо Мэддокса, были в смятении.

– Где же охотники? – бормотали некоторые.

– Не здесь, – откликнулся Люсьен.

– А где мы? – тихо спросил Рейес. Его оружие было прижато к ногам. Кровь бурлила в его венах от нетерпения.

– В Штатах. – Сабин закрыл глаза и глубоко вздохнул. – Думаю, это Лос-Анджелес. Здесь так и чувствуется смрад Голливуда.

– Точно, – ответил Люсьен и мрачно кивнул.

– Здесь базируется крупная группировка охотников. – В голосе Сабина прозвучало радостное предвкушение. – И я всей душой их ненавижу. У меня свои счеты с лидером этой группировки, и он тоже меня ненавидит, так что будьте готовы ко всему. Он присоединился к группировке после того, как его жена и я... – Он пожал плечами, нахлынувшая грусть слегка притупила его предвкушение. – Мы были вместе, но у меня не складываются отношения с

людьми, и все закончилось плохо. Охотники позвали его к себе, и с тех пор он преследует меня.

Сабин и его люди начали сражаться с охотниками гораздо раньше Люсьена и его команды. Несколько тысячелетий назад Парис, Мэддокс, Торин, Аэрон и Рейес разошлись с Сабинном, Страйдером, Гидеоном, Камео, Аманом и Кейном.

Их друг Баден, одержимый демоном Неверия, был жестоко убит охотниками. Отомстив за смерть друга, половина Владык захотели покоя. Что могло быть лучше для измученной души, как не прекращение бесконечной борьбы между добром и злом, тьмой и светом? Другая же половина воинов пожелала, чтобы кровь охотников залила улицы Древней Греции, разлившись алыми реками боли и ужаса.

Так и не договорившись, они разошлись, каждый своим путем. До тех пор, пока Сабина не привела в Будапешт кровная месть.

И хотя Рейес все эти долгие годы был в стороне, он не мог поступить так сейчас. Он должен сражаться вместе со всеми, иллюзия покоя разбилась вдребезги. Недавно охотники перерезали горло Торину, пытаясь ослабить его и захватить остальных воинов. К счастью, тем охотникам осуществить свои планы не удалось.

А Рейесу все удастся.

Он сделает все что угодно, чтобы уничтожить врагов. И если ему придется уничтожить богов, которые могли поддерживать охотников, он найдет способ сделать и это.

Однако сложно было понять истинную цель богов. Переменчивые и таинственные, они были подобны головоломке с несколькими отсутствующими главными фрагментами. В то время как молчаливые олимпийцы разозлили Рейеса своим пренебрежением, загадочные титаны привели его в безудержную ярость. Они пожелали гармонии во всем мире – на небесах и на земле. Пожелали любви и благодати, свободы от смерти и разрушений. И все же потребовали наказания Даники. Они потребовали даже наказания Аньи, хотя потом отменили свое решение. А то, что сделали с Аэроном...

«Не стоит ступать на эту опасную дорогу. Не здесь и не сейчас». Его ногти вытянулись, превращаясь в когти и царапая ладони. Красные пятна заплясали у него перед глазами, и демон соблазнительно прошептал: «Возьми кинжал. Сделай себе больно».

- Нет, - прорычал он.

- Сюда, - произнес Люсьен, но резко умолк, услышав слова Рейеса, и вопросительно уставился на него. - Что-то не так?

- Нет. Все в порядке. - Когда Даника окажется в его постели и ей ничто не будет угрожать, он накормит своего демона. А до тех пор он не может причинить себе боль. Рана ослабит его, а силы необходимы ему для предстоящей битвы.

Но чем дольше он станет сдерживаться, тем настойчивее будет звучать голос демона. Рейес хорошо это знал. Он начнет отвлекаться. Это бич его проклятия. Он должен ранить себя, но от потери крови он ослабеет, как любое живое существо, хоть это и не продлится долго.

- О чем ты говорил? - спросил он Люсьена.

Все уставились на него.

Люсьен закатил глаза:

- Девушку прячут на соседней улице. Кругом полно ни в чем не повинных людей, так что будьте осторожны.

Рейесу не было дела до людей. Это было жестоко, но он никогда не производил впечатления доброго и веселого мужчины. Впрочем, это не совсем так. До знакомства с демоном Боли он частенько смеялся и шутил с друзьями.

- Сколько с ней охотников? - На щеке Рейеса забилась жилка, когда он представил, какие страдания, возможно, сейчас ей приходится выносить.

Что бы ни произошло с Даникой, Рейес жестоко отомстит охотникам. Он ненавидел своего демона за бесконечные мучения, но в этом случае без

колебаний отдаст бразды правления в его руки. Не сразу, не сегодня. Боль способна заглянуть в человеческую душу, найти уязвимое место, мельчайшую брешь, и постоянно ранить человека отравленными стрелами, пока тот не станет кричать, корчиться и царапать кожу, чтобы прекратить мучения.

– Сегодня утром, – ответил Люсьен, – было двадцать три человека.

– Они размножаются как кролики. – Сабин коварно улыбнулся. – Возможно, сейчас их уже на сотню больше.

Люсьен указал на дальнейшее окно, его темные волосы разметались в разные стороны.

– У нас есть несколько часов до наступления ночи. Я отправлюсь в то здание, останусь в мире духов и послушаю разговоры. Осмотрю. Мы должны знать, что она им рассказала и что они затевают.

Рейес услышал только слова «несколько часов».

– И мы станем торчать здесь? – проворчал он. – Сидеть сложа руки?

– Да. – Люсьен пристально взглянул на него, в его разноцветных глазах появился знакомый водоворот. – Если они наблюдают за прилегающей территорией, я выведу из строя их компьютеры. А когда стемнеет и люди не смогут заметить вас и ваше оружие и вызвать полицию, вы пойдете туда. А я буду ждать вас снаружи в тени.

Снова бездействие. Снова ожидание.

Эта мысль причиняла ему душевную и физическую боль. Рейес желал броситься в бой, но не мог... и демон наслаждался его мучениями и требовал больше. Требовал полной власти.

«Скоро», – пообещал Рейес.

Это была одна из причин, по которой Рейес отослал Данику и не должен был сейчас спасать ее. Она дразнила его и демона, как дразнят голодного зверя,

засовывая палку в клетку.

Если он предоставит власть своему демону, то потеряет над собой контроль. А что, если он причинит боль Данике? Что, если ему это понравится? Если он станет улыбаться, ломая ее кости? Что, если он убьет ее? А ведь именно поэтому он заковал в цепи своего лучшего друга и старался не вспоминать о нем.

Он не простит себе, зная, что уничтожил нечто столь... бесценное. Да, Рейес понимал это. Даника стала для него бесценной. Она была ангелом, противоположностью его демона, добром – противоположностью его зла. Наслаждением против его боли. И сейчас она в плену у охотников, закована в цепи, беспомощна... страдает.

И снова перед его взором заплясали красные пятна, но усилием воли он справился с наваждением. Черт подери! Никаких поблажек демону, сейчас не время сражаться с охотниками. Рейес должен держать себя в руках.

Кто-то хлопнул его по спине, оторвав от размышлений.

– Перестань, дружище, – раздался женский голос.

Рейес обернулся и уставился на Камео, одержимую демоном Печали, единственную женщину среди Владык. Он быстро отвел взгляд. Эта черноволосая женщина с серебристыми глазами и персиковой кожей была воплощением красоты. Несмотря на хрупкое, изящное тело, она была сильной и беспощадной воительницей. Но смотреть на нее было нелегко, ведь все несчастья мира отражались на ее лице и эхом отзывались в его душе.

– Мы освободим ее, – сказала Камео, пытаясь успокоить Рейеса, но после ее слов его сердце лишь еще сильнее сжалось от боли. – Не беспокойся.

Боги, ее голос. Он старался скрыть досаду, когда демон в его душе вздохнул, наслаждаясь болью, которую она невольно причиняла его хозяину. И почему Рейеса не влекло к ней? Тогда его жизнь была бы намного проще.

«Сейчас тебе больно, потому что вы говорите о Данике». Его демон обожал физическую боль, Камео же была воплощением беспорядка и огорчения.

Поэтому, если бы она ему нравилась, дела обстояли бы не лучше. Ее трагический голос кого угодно мог довести до самоубийства, а Рейес уже много раз пытался себя убить.

– Охотники однажды схватили моего любовника, – сказала она.

Рейес потер грудь. Неужели с ней кто-то спал?

– И тебе удалось его спасти?

– О нет. Он погиб ужасной смертью. Они вырезали его сердце и прислали мне по почте.

Рейес вздрогнул, поддавшись внезапной панике, но не поднял глаз на Камео. С Даникой такого не произойдет. Он обвел взглядом здание, глубоко дыша и пытаясь унять бешеное биение сердца. Люсьен исчез, а остальные расселись вдоль стен и принялись яростно чистить оружие.

Наконец он нашел в себе силы заговорить:

– Этот рассказ должен был меня успокоить?

– Да. Однажды они уже совершили страшное преступление. Больше мы им этого не позволим.

Слабое утешение. В этот самый момент кто-то, возможно, бил Данику кулаком в лицо или пинал ногой в живот. Или ее стегали плетью. Или вонзали в ее тело нож. Она, рыдая, звала его на помощь. А он сидел здесь, совсем близко, но ничего не делал, чтобы ее спасти.

Эти мысли были невыносимы.

Отойдя от Камео, Рейес принялся ходить взад-вперед. Возможно, ему стоит забыть о приказе Люсьена и атаковать немедленно? «Доверься ему. Он знает, что делает. Если бы ей угрожала опасность, он уже сообщил бы тебе», – урезонил себя Рейес.

Несмотря на все эти увещевания, время тянулось мучительно медленно. И только когда солнце стало меркнуть и его свет из ярко-золотого превратился в розовый, а затем в пурпурный и наконец в долгожданный серый, Рейес стал успокаиваться.

– Я еще никогда тебя таким не видел, – заметил Парис. – Беспокойным, расстроенным.

– Надеюсь, что больше и не увидишь.

– Я молюсь небесам, чтобы никогда так не выглядеть, – пробормотал Сабин. – Ничего хорошего в этом нет.

Страйдер улыбнулся:

– Но любовь так тебе идет.

Сабин отмахнулся от него.

Любовь? Неужели Рейес способен на это чувство?

– Ночь уже наступила. Пора. – Он направился к двери.

Аня схватила его за руку, ее ногти впились в его кожу.

– Не торопись, милый. Ты не знаешь, куда идти.

Рейес сдерживался из последних сил.

– А ты знаешь?

– Конечно. – Ее ногти впились глубже, распарывая его кожу, и он едва не застонал от удовольствия. – Люсьен обо всем мне рассказывает.

– Тогда веди нас, но поторопись. Я ни секунды не останусь в этом здании и ворвусь в любой магазин или дом, если посчитаю это необходимым.

– Какой ты нетерпеливый. – Она цокнула языком и отпустила его руку. – Мне нравится это в мужчине. Просто... не отставай. Если сможешь.

И она ринулась вперед. Все остальные бросились следом. Жаркий, спертый воздух сделался прохладным и полным разнообразных запахов: ароматами свежих цветов, выхлопных газов, свежее испеченного хлеба и приторно-сладких духов. В глаза бросилась сияющая неоновыми огнями вывеска, обнаженные танцоры, и до них донеслись раздраженные звуки клаксонов. Эхо множества шагов отдавалось от тротуаров, но ничто не могло заглушить бешеное биение сердца Рейеса.

Одно время он мечтал отправиться путешествовать и посмотреть этот новый мир, сотни лет скрытый от него, но вынужден был оставаться в Будапеште из-за Мэддокса. А теперь ему было наплевать на мир вокруг. Он хотел лишь отыскать Данику.

Хотя воины старались держаться в тени, люди заметили их. Одни шарахались в сторону, другие с интересом смотрели на них. Кто-то восторженно улыбался. Они не привыкли к такой реакции смертных, даже жители Будапешта относились к ним скорее с уважением, чем дружелюбно. «Голливуд», – как сказал Сабин. Рейес понял, что эти люди приняли их за актеров.

Парис несколько раз останавливался, чтобы украдкой поцеловать какую-нибудь женщину. Он, как и Рейес, не мог устоять перед своим демоном, поэтому, когда Разврат хотел поиграть, Парису приходилось подчиняться. Или же он стремительно слабел. Но впервые за долгие годы Парис выглядел так, словно эти поцелуи не доставляли ему удовольствия.

Рейес не останавливался, чтобы подождать друга, и не спрашивал его, что случилось. С каждым его торопливым шагом нетерпение лишь нарастало. Аня завернула за угол, ее длинные волосы белели в темноте, не давая им заблудиться. Она двинулась вперед по грязному переулку, и внезапно воздух наполнился запахом мочи.

Она снова завернула за угол и улыбнулась через плечо:

– Мы почти пришли.

Рейес сжал в ладонях пистолет и нож. Оружие было настолько привычно для него, что почти срослось с ним, став частью его тела. «Еще немного, и ты увидишь ее. Скоро, очень скоро начнется битва».

Он никого не оставит в живых.

Рейес чувствовал, что его друзей охватывает такое же нетерпение. Война стала частью их души, растворившись в каждой клеточке тела. В конце концов, они и были созданы ради сражений.

Олимпийцы, их создатели, хорошо знали, с какой легкостью можно низвергнуть небесное создание, потому что сами победили и заточили в темницу титанов. И чтобы их самих не постигла та же участь, они взяли кровь бога войны и взрастили бессмертных воинов, ставших их защитниками.

После трагедии с Дим-Униаком, когда Пандора была убита, а ларец исчез, воинов, которые оказались в этом виноваты, боги отправили на землю, заперев в их душах демонов. Их место заняли новые воины. Правда, они так и не смогли защитить олимпийцев, с довольной ухмылкой подумал Рейес.

– Еще немного... – возбужденно прошептала Аня.

Она стала отличной заменой Мэддоксу. Аня обожала насилие.

Посреди переулка горела мусорная корзина, клубы дыма окутывали ее со всех сторон. Вокруг стояло четверо мужчин, один из них держал над огнем ложку, в которой пузырилась густая жидкость. Другой рукой он достал шприц и втянул в него жидкость. Остальные ждали своей очереди.

Наркотики. Рейес жалел, что они не действовали на него. Он перепробовал все виды, от травы до таблеток, погружаясь в алкогольное опьянение, пронзая вены иглами. Однако это не помогло заглушить стремления к боли.

Аня резко остановилась в конце переулка. Люсьен вышел им навстречу из тени. Они с Аней обменялись поцелуями, Люсьен тут же обнял ее за талию.

Рейес отвернулся, не в силах сейчас выносить их нежности. «Кого ты пытаешься обмануть? Ты никогда не мог это спокойно выносить».

Переулок закончился развилкой, превращаясь дальше в три узкие дорожки. Пять зданий грозно возвышались над ними в свете полумесяца. Ему не надо было спрашивать, где Даника, – Рейес почувствовал ее головокружительный аромат. Всем своим существом он ощутил ее ужас, волнами исходивший от магазина из красного кирпича, расположенного прямо перед ним.

Магазин оружия. Какая ирония. Эти охотники так много говорили о мире, что им следовало бы выбрать церковь.

– Над магазином находятся жилые комнаты. Она там, – мрачно произнес Люсьен. – Эти люди вели себя очень тихо. Словно знали, что я здесь.

Ком подкатил к горлу Рейеса.

– Она... она еще жива? – еле слышно произнес он.

– Да.

Рейес сглотнул. Что-то в интонации Люсьена встревожило его.

– Что с ней?

– Она все еще спит.

Рейес стиснул оружие.

– И сколько охотников сейчас в здании?

– Двенадцать. Остальные ушли.

– А их предводитель?

– Ушел вместе с ними.

Негодяй. Но Рейес его непременно найдет. Как только Даника окажется в безопасности, у его ярости не будет преград.

- Там человек, который охраняет ее, - сказал Люсьен. - Он не отходит от нее ни на шаг. И сейчас он тоже с ней.

- Он... он прикасался к ней?

- Не в гневе.

Тогда как? В страсти?

- Ее изнасиловали? - Рейес в бешенстве стиснул зубы.

- Я не знаю.

- Он мой. - Несмотря на притворное спокойствие в его голосе, ни у кого не осталось сомнения в его намерениях. - Не трогайте его.

Люсьен кивнул:

- Отлично. Настало время для сражения.

Рейес прошел мимо друзей и направился в здание. Когда он вошел в магазин, раздался веселый звон колокольчика, известивший о его приходе. Человек за конторкой начал было улыбаться, как вдруг заметил выражение лица Рейеса. Его улыбка погасла, и ненависть вспыхнула в глазах охотника.

Рейес знал, что они никогда не встречались, но оба мгновенно ощутили себя врагами.

- Где она?

- Ты убил моего сына, демон.

– Я никогда не видел твоего сына, охотник.

– Ты – раковая опухоль на теле земли, все вы, и ты виноват в каждой смерти. Но тебе недолго осталось. Да здравствуют охотники! – И, словно был готов к приходу Рейеса, мужчина вскинул полуавтоматический пистолет с глушителем.

Рейес поднял свой пистолет. Оба выстрелили одновременно. Рейес – чтобы убить, охотник – чтобы ранить. Убив Рейеса, он освободил бы его демона, а охотники всеми силами старались этого избегать.

Пуля впиалась в плечо Рейеса, и он рассмеялся от ощущения восхитительной боли. Охотник уже не смеялся. Сердце Рейеса на мгновение сжалось от тоски, но он напомнил себе, что на земле не будет покоя, пока охотники повсюду сеют ненависть.

Одним меньше. Осталось одиннадцать.

– Черт подери. Оставь остальных для нас, – пробормотал Сабин, обходя Рейеса, и направился мимо конторки к двери. Он ударил по ней ногой, за дверью оказалась узкая лестница.

– Отличная работа, Боль. – Аня щелкнула его по затылку. – Теперь остальные знают, что мы здесь.

И она стремительно взбежала по лестнице следом за Сабиним.

Кровь сочилась из раны Рейеса, когда он двинулся за ними.

– Я присоединюсь к своей дорогой жене и посмотрю на вашу гибель с небес, – закричал раненый охотник, но прогремел еще один выстрел, и он умолк. Раздался вопль. Булькающий звук. Глухой удар от падения тела.

Шаги.

– Увидимся в аду, демоны, – завопил другой мужчина, но тоже вскоре умолк.

– Она в третьей комнате справа, – сказал Люсьен, внезапно оказавшись рядом с Рейесом.

Они добрались до верхнего этажа и разбежались в разные стороны. По пути в комнату Даники Рейес встретил только одного охотника. Тот выстрелил в него, ранив в живот.

Рейес не останавливался, адреналин бушевал в его крови, а его демон был вне себя от восторга.

С улыбкой он бросился к охотнику и перерезал ему горло. Ударом ноги выбив замок, Рейес распахнул дверь в комнату.

Раздалось громкое жужжание, и еще одна пуля обожгла его, пронзив бедро. Его тело охватила слабость, но он сумел устоять на ногах. Кровь лилась ручьем, демон радостно пел, а Рейес оглядывал комнату, прицеливаясь. Связанная Даника неподвижно лежала на постели. Рядом с ней стоял дрожащий и бледный человек, целившийся в Рейеса.

– Как давно я ждал этого момента, – хрипло произнес человек. – Мечтал о нем. И вот ты здесь.

Рейес прицелился в татуировку мужчины – симметричный знак бесконечности.

– И вот я здесь. Ты прикасался к ней?

– Как будто тебе есть дело до людей.

Еще один выстрел. Рейес отпрыгнул в сторону. Он наслаждался болью, но не хотел больше терять кровь. Следующие пять минут станут решающими.

Еще одна пуля просвистела мимо, и он вскинул свой пистолет. Прицелился.

– Что бы ты ни сделал со мной, это стоит того, чтобы наблюдать, как ты стоишь здесь и смотришь на эту женщину, – сказал охотник.

И Рейес спустил курок. Охотник распростерся на полу и больше не шевелился.

В мгновение ока Рейес подскочил к Данике, разорвав ее путы. Он поднял спящую девушку, его кровь капала на ее грязную белую рубашку и смертельно бледное лицо. Ее темные волосы свалились, впалые щеки и темные тени под глазами выглядели ужасающе. Она сильно похудела. На ее скуле темнел синяк.

– Даника. – Ее имя прозвучало как мольба и одновременно как проклятие.

Она не пошевелилась.

Ее руки безжизненно свисали, голова запрокинулась. Придя в себя, она оттолкнула бы его. Но он предпочел бы увидеть ее ненависть, нежели эту... пассивность. Эту пустоту.

Выстрелы в коридоре прекратились, сменившись воем сирен. Он слышал, как в комнату вбегают друзья. Но ему было все равно. Он крепко обнимал Данику, прижимаясь щекой к ее щеке.

Ее кожа была холодна, словно лед, а сердце едва слышно билось в груди.

– Люсьен? – Он осекся, горячие слезы затуманили его взгляд.

– Я здесь, мой друг. – Люсьен положил руку ему на плечо. – Они как-то узнали, что мы придем, и подготовились, но теперь с ними покончено.

– Хорошо. А теперь отправь нас домой.

Глава 5

Даника так долго ощущала смертельный холод во всем теле, что была потрясена, очнувшись от тяжелого сна и почувствовав горячее тепло одеяла, в которое была укутана. Она резко открыла глаза и глубоко вздохнула. Однако остатки ночного кошмара не желали покидать ее, и она не могла понять, где находится. Различала лишь темноту, которую пронзал алый свет, словно ночь истекала кровью от смертельных ран. Она слышала звон шпаг, злобный хохот

демонов и свист отсекаемых человеческих голов.

«Смерть, смерть, – слышалось ей повсюду. – Успокойся, просто успокойся. Это лишь сон. Ты ведь знаешь».

Когда-то ее бабушку тоже мучили такие кошмары. Сны, в которых миром правили демоны. Эти кошмары едва не довели хрупкую женщину до самоубийства, когда ей было шестьдесят пять лет.

Эти сны не были предсказаниями будущего, потому что не сбывались. И так оставалось до тех пор, пока Рейес и его друзья не появились в ее жизни. Но эти кошмары были настолько реальны, что приводили ее в ужас, и сейчас Даника хорошо понимала страдания бабушки.

Эти сны были беспокойными, видения полны ощущением неизбежности и боли. Такой стала и ее жизнь. Повсюду царила кровавая смерть. Обычно Даника просыпалась после этих ужасных кошмаров и рисовала увиденное, пытаясь изобразить безумие, вырванное из подсознания.

Однажды она решилась и показала родителям одну из картин. Они были расстроены и напуганы, смотрели на нее так, будто перед ними один из нарисованных монстров, поэтому Даника больше никогда и никому не показывала свои рисунки. Кроме того, она и сама не желала на них смотреть.

Но иногда ее сны были полны всепоглощающей безмятежности. Ангелы с белоснежными крыльями торжествующе парили в лазурных небесах. Их красота всегда поражала ее, и Даника просыпалась с улыбкой на губах, испытывая невероятный прилив сил.

– Я здесь, ангел, я здесь.

Этот глубокий, бархатный голос она слышала в своих кошмарах и в удивительных снах об ангелах, и ад и рай сливались для нее в одно сплошное искушение. И вот постепенно кошмар отпустил ее из своих тисков, темнота рассеялась, появился свет.

Даника увидела, что находится в незнакомой комнате. На стенах было развешано всевозможное оружие. Здесь был целый арсенал, от сюрикенов до шпаг и кинжалов. Даже топориков. В углу стоял изящный туалетный столик, но рядом не оказалось стула. Его владелец не сидел здесь? Не разглядывал свое отражение и не расчесывал волосы?

Он? Откуда ей известно, что комната принадлежит мужчине?

Даника глубоко дышала, вдыхая знакомый аромат сандала и сосновых иголок. О, она знала. Это мужчина, и она даже знает, кто он. И эта мысль потрясла ее до глубины души. «Возможно, ты ошибаешься. Пусть это будет так».

Постель была застелена черными простынями. Повернув голову, Даника увидела, что рядом лежит полуобнаженный мужчина. У него было мускулистое тело и кожа цвета растопленного шоколада с медом. Его грудь была абсолютно гладкой, но ее внимание привлекла зловещая татуировка в виде бабочки, распростершаяся от одного плеча до другого и переходящая на шею. Зловещая бабочка – эти два слова подходили только для одного мужчины.

Рейес.

– О боже. – Она резко села на постели, отодвигаясь от него. Тяжело дыша, сползла на край кровати, стараясь не поворачиваться к нему спиной. Даника вспомнила обрывок разговора со Стефано.

«– А что, если они попытаются меня убить? – резко спросила она.

– Они этого не сделают, – уверенно ответил он.

– Почему вы так уверены?

– Они мужчины. А ты женщина. Помни об этом. Кроме того, они уже давно убили бы тебя, если бы захотели.

– Они предупредили, чтобы я держалась от них подальше.

– Почему?

– Я не знаю.

– Выясни. Разузнай все, что сможешь. Об их оружии, их слабостях, об их планах, предпочтениях и антипатиях. Ты возьмешь мобильный телефон. Он очень маленький, и его легко спрятать. Я дам тебе день, чтобы прийти в себя. А потом мы каждый вечер станем разговаривать.

– А вы? – спросила Даника, не желая даже думать об опасностях, которые могут ее поджидать. – Вы же не женщина. Исходя из вашей логики, они убьют вас, если узнают, что вы здесь.

– Когда они придут, я уже скроюсь и, если смогу, буду наблюдать за тобой из безопасного места. Другие останутся охранять тебя, чтобы не позволить Владыкам причинить тебе вред, так что не бойся. Эти люди готовы отдать свою жизнь ради победы над демонами. Ты не должна допустить, чтобы их жертва стала напрасной.

– Что? О черт, нет. Я не хочу никаких жертв.

– Тебе станет лучше, если я скажу, что они убегут отсюда, как только появятся Владыки?

– Да.

– Они убегут».

Так ли это на самом деле?

Рейес медленно сел в постели, и их взгляды встретились. Его глаза были темны как ночь. В ее глазах застыли слезы. Он нахмурился. Она отвела взгляд и принялась рассматривать его тело. Его напряженные соски были тверды, как сталь, три раны медленно затягивались на его теле: одна на плече, другая на груди и третья на животе.

– Где я? – едва слышно прошептала она.

- У меня дома.

- В Будапеште?

- Да.

Она прищурилась, не в силах вспомнить, каким образом здесь оказалась.

- Как я сюда попала? Как ты меня нашел?

Он отвернулся, пряча взгляд под густыми ресницами.

- Ты же знаешь, что я не человек. Не так ли?

Как раз об этом ей больше всего хотелось забыть, и она не желала начинать этот разговор. «Что ж, Рейес, я знаю, что ты демон. Твой главный враг уговорил меня шпионить за тобой, и я здесь, чтобы помочь ему уничтожить тебя».

- Ты пришел за мной, - сказала Даника, меняя тему. С одной стороны, она надеялась, что это так, но с другой - ужасно боялась услышать, что это правда.

- Да, - повторил он.

- Зачем?

Теперь, когда Рейес не смотрел на нее, она смогла спокойно оглядеть свое тело. Слава богу, она оказалась одета. Свитер исчез, но белая тенниска, покрытая грязью и пятнами крови, ее и нападавшего на нее человека, по-прежнему оставалась на ней. От нее... неприятно пахло. Сколько времени она уже в этой одежде?

Внезапно кровать задрожала, и Даника торопливо взглянула на Рейеса. Он прислонился к спинке, увеличив расстояние между ними. Это должно было ее успокоить. Да, должно было.

– У меня такое чувство, что мне всегда придется приходить за тобой. – Его сердитый голос нарушил тишину, он был явно ею недоволен.

Даника снова прищурилась.

– Позволь, я угадаю. Ты всегда станешь приходить за мной, потому что тебе нравится делать мне больно. Что ж, почему ты просто не убил меня во сне? Я не смогла бы сопротивляться. Ты мог бы с легкостью перерезать мне горло. Ведь именно это ты собирался сделать, не так ли? Или передумал?

На его щеке пульсировала жилка, но он молчал.

– Ты и моих близких схватил?

И снова никакого ответа. Только бешеное биение пульса.

– Отвечай, черт тебя подери! – Она изо всех сил стукнула кулаком по матрасу. Но эта выходка не избавила ее от сжимавшего грудь ужаса. – Ты знаешь, где они? Они живы?

Наконец он снова заговорил:

– Я им ничего не сделал. Даю тебе слово.

– Лжец! – Она резко развернулась на кровати и, не осознавая, что делает, принялась хлестать его по щекам, а затем колотить по незажившим ранам, чтобы причинить боль. – Ты что-то знаешь. Ты должен что-то знать.

Он закрыл глаза, и на его губах заиграла блаженная улыбка.

Это еще больше распалило Данику.

– Тебе это кажется смешным? Что ж, а как насчет этого? – Охваченная неизвестно откуда взявшимся возбуждением, она наклонилась и впилась зубами в его шею, мгновенно ощутив привкус крови.

Рейес застонал и запустил пальцы в волосы Даники, не пытаясь оттолкнуть ее, а, наоборот, сильнее прижимая к себе. Даника не сопротивлялась, она просто не могла этого сделать. Пламя ее гнева вперемешку с беспомощностью взметнулось ввысь, перерождаясь в нечто удивительно приятное. Жар его тела был восхитителен. Он опалял ее до глубины души, яркое пламя внезапной страсти сладостно обжигало. Ей все это нравилось, нравилось причинять ему боль, нравилось касаться губами его кожи, и от этих мыслей ей делалось стыдно.

Она ощутила его нарастающее возбуждение. Когда он снова застонал, она ответила ему возбужденным стоном. Он тесно прижался к ней, и она впилась ногтями в его грудь, в его соски.

Рейес обнял ее за талию, притягивая к себе. Он возбужденно терся о ее бедра. Она хотела, чтобы он не останавливался. Но мгновение спустя Рейес вдруг замер.

– Перестань, Даника. Ты должна остановиться.

Нет, она не хотела останавливаться. Она хотела...

«Что, черт подери, ты творишь? Покусываешь своего врага?»

Ее зубы разжались. Тяжело дыша, она откинулась назад. Он опустил руки, его лицо сделалось напряженным. Даника вытерла губы дрожащей рукой. Все ее тело дрожало. Ее возбужденные соски горели, а внутри все сжималось от желания. Она чувствовала во рту привкус крови.

Рейес подвинулся, прикрыв простыней свое возбужденное естество, обтянутое тугими джинсами. На его щеках выступил легкий румянец. Неужели он смущен? По его шее тонким ручейком стекала кровь, капая ему на грудь. На глазах у Даники кровь высыхала и отметины от зубов начинали медленно затягиваться.

Монстр, напомнила она себе. Он монстр.

При мысли о непонятных чувствах, охвативших ее, странном поведении и собственной реакции Данику обуял ужас. Должно быть, он заметил выражение

ее лица, потому что заявил:

- Не трогай меня, и я не трону тебя.

- Не беспокойся. - Сильная дрожь пробежала по ее телу, и Даника скрестила руки на груди. Она хотела сделать ему больно, ей это даже понравилось. «Черт подери, что со мной не так?» - Я к тебе и близко не подойду.

- Отлично. - Рейес умолк, внимательно оглядывая ее с ног до головы. Искал раны или что-то более эротичное? - Что те люди с тобой сделали? - Теперь его голос звучал абсолютно бесстрастно, и, похоже, ему не было дела до ее ответа.

Это безразличие разозлило ее. Но ведь она ненавидела его, тогда зачем ей его участие?

- Они... - Внезапно у нее закружилась голова. Раздался тихий стон. Ее стон, догадалась Даника. Ее веки опустились, словно она была не в силах держать глаза открытыми. Вспышка гнева, догадалась Даника, лишила ее последних сил.

Когда она в последний раз ела? Стефано не кормил ее, только давал немного воды каждые несколько часов. И что-то ей колот. От этих уколов она теряла над собой контроль и, взлетая в небеса, тут же падала в бурлящий океан, раскалываясь на тысячи обломков.

«- Мы не должны им поддаваться, - говорил Стефано. - Мы знаем, что демон Смерти последует по пути, который мы ему подсказали, и не догадывается, что мы его ждем. Мы изо всех сил старались, чтобы твое похищение выглядело настоящим, и я буду стараться до конца. Никакой еды, никакой чистой одежды. Мы можем вколоть тебе наркотик или избить тебя. Что ты предпочитаешь?»

- Ничего.

- Выбирай, или я выберу за тебя. Не забывай, Даника, ты делаешь это ради своей семьи.

- Чертово воспитание, - презрительно расхохоталась она. - Вколи наркотик. Судя по всему, не в первый раз».

– Даника, что эти люди с тобой сделали?

Настоящее столкнулось с прошлым, оторвав ее от сюрреалистичных видений.
«Глупая девчонка. Не расслабляйся в присутствии Рейеса!»

Она открыла глаза. Мир вокруг был затянут пеленой, Рейес выглядел как расплывчатое темное пятно. Он обхватил ее за плечи и осторожно пытался уложить на кровать. Когда ее зрение прояснилось, Даника заметила, что на его обычно мрачном лице появились тревога и нежность.

– Никаких прикосновений, – запинаясь, пробормотала она. Ее снова охватило восхитительное тепло. Возможно, всему виной кровь демона, которую она попробовала. – Мы договорились.

– Ш-ш-ш. – Его теплое дыхание ласкало ее щеку. – Расслабься. Мы поговорим позже.

– Убирайся в ад.

Он хорошо понимал ее.

– Разве мы уже не обсуждали это? Я уже там.

Сопrotивляйся. Борись с ним! Она пыталась, но темный туннель открылся перед ней, затягивая в воронку.

– Где... моя мама? Сестра? Бабушка?

– Я уверен, что с ними все в порядке. – Он ласково провел пальцами по ее лбу, убирая прядь волос.

– Я хочу... увидеть их. Я не стану... спать. Ты меня не заставишь. Хочу есть.

– Я накормлю тебя. – Нежное, как лепесток цветка, прикосновение... губ? Да, прикосновение губ к ее губам.

Она глубоко вздохнула, растворяясь в пряном аромате мужской кожи и ощутив необъяснимую радость.

- Ненавижу тебя, - пробормотала она, желая, чтобы это было правдой.

- Я знаю. - Его теплое дыхание ласкало ее кожу. - А теперь спи, ангел. Ты в безопасности. Я больше не допущу, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое.

Даника обмякла. Ее спина вжалась в прохладный матрас. Снаружи пламя, внутри лед. Не в силах больше бороться, она провалилась в темный туннель. Мир вокруг перестал существовать.

Она была здесь, в его постели. В его постели.

Ожидая, когда Даника проснется, Рейес с трудом сдерживал себя, и ему уже стало казаться, что она будет спать вечно. А затем она стала медленно пробуждаться, темные ресницы приподнялись, открывая его взору ее изумрудные глаза, и Рейес испытал самую настоящую пытку.

Демону Боли совсем не понравилось, когда Рейес на цыпочках двинулся к двери. Он бушевал в его душе. Требовал еще больше укусов, ран и боли.

- Нет.

Рейес не останавливался, позволив себе лишь бросить короткий взгляд через плечо. Темные кудри Даники рассыпались по его подушке, ее лицо сейчас было там, где спал он. Его сердце преисполнилось гордости. Даже сейчас она вдыхает его запах, и он словно становится ее частью.

Или нет?

Даника спала беспокойно, ее глаза вздрагивали под закрытыми веками, тело судорожно сжималось, с губ слетали тихие тревожные стоны. Возможно, ей снилось то, что охотники с ней сделали? Что же они сделали? Пытали ее, чтобы услышать правду? Насиловали?

Она не ответила, когда он спросил, она вообще ничего ему не рассказала. Рейес не стал на нее давить, видя, как бешено пульсирует жилка у нее на шее, ее лицо смертельно побледнело, а в прекрасных глазах застыла паника.

Сжимая кулаки, он торопливо спустился в кухню. Скоро он снова увидит ее, поговорит с ней и выяснит правду. Он должен знать. И, возможно, к тому времени забудет ужас в ее глазах, когда она поняла, что ему нравится испытывать боль.

Боже, тот укус. Его сердце до сих пор начинало трепетать при одном воспоминании об этом. Он держал Данику в объятиях, ее острые маленькие зубки впились в его шею. На мгновение она испытала влечение к нему, желала его и непроизвольно терлась о его возбужденную плоть. А затем Рейес понял, что она желала не его, а боль, демон уже завладел ее чувствами, и тогда он приказал ей остановиться. Она вырвалась из его объятий. В это мгновение он испытал невероятную муку и одновременно огромное удовольствие.

Демон Боли желал большего.

Рейес дрожащей рукой открыл холодильник. Обычно покупки делал Парис, поэтому Рейес никогда не знал, что найдет. Сегодня это были ветчина и хлеб. Значит, сэндвич.

– Где Аэрон? – произнес Люсьен у него за спиной. – Я выполнил свое условие. Настало время тебе выполнить свое.

Рейес не обернулся.

– Я отведу тебя к нему утром.

– Нет. Ты отведешь меня к нему сейчас.

Рейес достал упаковку мяса индейки и ветчину, перевел взгляд с одной на другую и пожал плечами. Он не знал, что любит Даника, поэтому решил сделать два сэндвича.

– Даника умирает от голода. Она очень слаба. Сначала я позабочусь о ней, а после я к твоим услугам.

Обычно сдержанный, Люсьен издал тихое рычание.

– Каждая минута его заточения – ужасная мука. Наши демоны не терпят, когда их хозяев в чем-то ограничивают, и ты это знаешь. Его Ярость наверняка сгорит от желания выбраться на свободу.

– Стоит ли мне напоминать тебе, что он сам меня умолял? И я знаю, что, как только Аэрон появится здесь, его необходимо будет снова запереть. Какая разница, если он пока побудет в другой темнице? Кроме того, он сам не хочет быть рядом с нами. – Рейес швырнул упаковку на кухонную стойку и взял батон хлеба. Пшеничный.

Какой хлеб ей нравится, пшеничный или ржаной? Немного подумав, он решил использовать и тот и другой. На всякий случай. Он вскрыл упаковку с ржаным хлебом и положил перед собой буханку.

– Я прошу только об одной ночи.

– А что, если он умирает? Мы бессмертны, но при определенных обстоятельствах можем умереть, как любое живое существо. И ты это знаешь.

– Он не умирает.

– Откуда тебе это известно? – настаивал Люсьен.

– Я ощущаю, как его отчаяние нарастает в моей душе, с каждой минутой становясь все яростнее и мучительнее. Я не сомневаюсь, что он слабеет под натиском Ярости. – Рейес сделал глубокий вдох и задержал дыхание, а затем медленно выдохнул, погасив свой собственный приступ гнева. – Еще несколько часов. Это все, о чем я прошу. Для себя, для Даники. Для него.

Повисла гнетущая пауза. Рейес положил на каждый ломтик хлеба по кусочку мяса и соединил их между собой.

– Отлично, – согласился Люсьен. – Несколько часов. – И он, тяжело ступая, удалился прочь.

Рейес разглядывал сэндвичи.

– Этого мало, – пробормотал он.

Людям необходимо разнообразие. Разве не так Парис всегда говорил о своих любовницах? Нахмурившись, Рейес снова открыл холодильник и заглянул внутрь. Он заметил упаковку пурпурного винограда. Идеально. В прошлый раз, когда Даника была здесь, она мгновенно опустошила плошку с фруктами.

Рейес достал упаковку, вымыл виноград и разложил кисти вокруг четырех сэндвичей.

Какие напитки она предпочитает? Он снова вернулся к холодильнику и обнаружил бутылку вина, кувшин с водой и упаковку апельсинового сока. Он понимал, что Данике нельзя предлагать это вино. Оно было смешано с амброзией, украденной из рая, и когда-то едва не погубило смертную женщину Мэддокса – Эшлин.

Рейес отодвинул в сторону запотевшую бутылку и, взяв упаковку сока, наполнил доверху высокий стакан.

– Черт подери, приятель. Ты наготовил еды на целую армию?

Рейес бросил взгляд через плечо. Сабин стоял, прислонясь к дверному косяку, скрестив на груди руки. Он старался казаться таким же модным, как Парис, выбрав такую же, как у друга, рубашку в стиле «Пиратов Карибского моря», но ему не хватало элегантности Париса.

– Она голодна.

– Понятно. Но я не думаю, что такая крохотная девушка сможет все это съесть. Кроме того, она провела три дня с охотниками. Тебе следует заморить ее голодом, выпытать, что там происходило, и только потом накормить. – Сабин шагнул вперед и протянул руку к сэндвичам.

Рейес схватил друга за запястье и сжал его.

– Сделай себе другой сэндвич или лишишься руки. И она не заодно с охотниками.

Сабин обиженно вскинул бровь:

– Откуда ты знаешь?

Рейес не знал ответа на этот вопрос, но он никому не позволит причинить ей вред.

– Держись от нее подальше, – предупредил он, – и не трогай еду.

– С каких это пор ты стал таким добрым? – спросил внезапно появившийся Гидеон, а затем, не успев Рейес опомниться, схватил сэндвич.

В понимании Гидеона «добрый» означало «примитивный».

– Отстань, – прорычал Рейес.

Оба воина усмехнулись.

– Делай что хочешь, – сказал Сабин и тоже подхватил сэндвич.

Рейес заскрежетал зубами. «Я не стану угрожать оружием своим друзьям. Ни за что».

– О боже! Еда. – В комнату, взявшись за руки, вошли Аня и Эшлин. – Я почувствовала удивительный запах кулинарных изысков.

У Рейеса потемнело в глазах, и он торопливо схватил тарелку и стакан, пока женщины не успели забрать остатки еды.

– Это для Даники, – сухо заявил он.

– Но я обожаю индейку. – Аня надула губы. Она была довольно высокой для женщины, но даже на десятисантиметровых каблуках едва доставала Рейесу до подбородка. – Кроме того, у меня никогда не получаются такие вкусные сэндвичи, как у тебя. Еда, приготовленная мужчиной, всегда кажется вкуснее.

– Меня это не касается. – Рейес попытался обойти ее, но Аня упрямо встала перед ним, уперев руки в бока. Он вздохнул, понимая, что она не оставит его в покое. – Люсьен приготовит что-нибудь для тебя.

Аня помрачнела.

– Он ушел собирать души.

– Тогда Парис.

– А он соблазняет какую-то нимфу в городе.

– Тогда умирай от голода, – безжалостно заявил Рейес.

– Я приготовлю что-нибудь для нас, – предложила Эшлин, поглаживая свой слегка округлившийся животик. Она была беременна. – А пока я готовлю, расскажи о Данике.

Рейес не знал что и думать о рождении этого ребенка. Он будет демоном? Или человеком? Он не знал, что хуже. Бесконечные мучения или бессмертие?

– С ней все в порядке. Больше нечего сказать.

– Приготовь что-нибудь и мне, – попросил Сабин Эшлин. – Умираю от голода. Сэндвич, который я у него украл, лишь раздражил мой аппетит.

– А я наелся до отвала, – заявил Гидеон, и это означало, что он на грани голодной смерти. Он отряхнул руки от крошек.

– Мужчины, как вам не стыдно заставлять беременную женщину готовить для всех, – пожурила их Аня.

– Эй! – Сабин погрозил пальцем великолепной богине. – Ты же заставляешь беременную женщину готовить тебе сэндвич. И какая между нами разница?

– Беременна она или нет, я хочу, чтобы она и мне приготовила сэндвич.

Услышав этот скрипучий голос, все замерли, а затем одновременно обернулись, удивленно вздохнули, а затем произнесли в унисон:

– Торин!

Эшлин с улыбкой шагнула навстречу выздоровевшему воину, распахнув ему объятия. Аня предостерегающе схватила ее за плечо.

– Он же Болезнь, милая, – сказала богиня. – Тебе нельзя прикасаться к нему, иначе заразишься, помнишь?

– О да. – Эшлин улыбнулась ему. – Я рада, что тебе лучше.

Торин улыбнулся в ответ, хотя на его лице застыла грусть:

– Я тоже.

Он выглядел таким же, каким Рейес его помнил до того, как охотники почти отрезали ему голову. Белые волосы, черные брови и ярко-зеленые глаза. Красивый, мужественный и мрачный. Его руки были скрыты длинными черными перчатками. Коснувшись живого существа, он мгновенно заражал его болезнью. Он не мог прикасаться даже к бессмертным. Воины не заражались болезнями, прикоснувшись к нему, но могли заразить людей.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Рейес.

– Лучше. – Взгляд зеленых глаз упал на тарелку. – И очень голоден.

– Отстань, – отрезал Рейес. – Я рад, что тебе лучше, но не собираюсь делиться.

Торин улыбнулся, и с его лица исчезли остатки грусти.

– Ты заставляешь меня сожалеть о том, что я не прикован к постели. Тогда тебе пришлось бы с милой улыбкой приносить мне еду. О, знаешь что? – воскликнул он, оборачиваясь к Анье. – Твой друг карабкается по горе. Он кричит, что хочет положить тебя на колени и отшлепать, поэтому я решил не убивать его, как требовал Люсьен. У него с собой только кинжал. Он вот-вот появится здесь...

Тук. Тук.

Анья с улыбкой захлопала в ладоши.

– Уильям здесь!

– И что он здесь делает? – спросил Рейес. – Люсьен ведь велел ему не возвращаться, а иначе грозил убить, а ты его ненавидишь.

– Ненавижу? Я его обожаю! И не сомневаюсь, он вернулся, чтобы забрать свою любимую книгу. И Люсьен шутил, когда грозился убить его. Теперь они ЛДН, клянусь.

Она бросилась вперед, радостно хлопая в ладоши.

– Уильям! – услышали они ее радостный вопль.

– Где моя книга, женщина?

– А ты разве не обнимешь меня, большой плюшевый мишка?

– Это тот самый Уильям, который сводил с ума Люсьена, пока Анья приходила в себя после пропажи ее ключа? – спросила Эшлин, когда к ней подошел Мэддокс и обнял. – И что это за книга?

– Та же самая, – пробормотал Мэддокс, уткнувшись носом в ее щеку. – Книга, о которой я не знаю. Этот Уильям не производил впечатление интеллектуала. А что такое ЛДН?

– Лучшие друзья навсегда.

Мэддокс нахмурился:

– Мне кажется, эти двое никогда не были лучшими друзьями, даже временно. Кому-нибудь следует выпроводить его до возвращения Люсьена.

Эшлин прижалась к своему мужчине:

– Похоже, он нравится Анье. Лучше оставим его. Чем больше компания, тем веселее.

Рейес закатил глаза. В последнее время в крепости каждый день был праздник.

Пока Эшлин и остальные мужчины принялись горячо спорить, кто что сможет приготовить, а также обсуждать таинственного Уильяма, Рейес сумел наконец ускользнуть, аккуратно держа стакан с соком и тарелку.

«Я ненавижу тебя», – сказала Даника.

«Я знаю», – ответил он, и это была правда. Когда-то он захватил в плен Данику и ее любимых людей. Из-за него охотники обратили на нее внимание. У нее были причины, чтобы ненавидеть его. Но теперь ему хотелось сделать для нее что-нибудь хорошее. Что-нибудь, о чем она могла бы впоследствии вспоминать с улыбкой. Даже если это всего лишь простая еда.

Он торопливо поднимался по лестнице, но сумел не расплескать сок. Скорее всего, она еще спит. Ему не хотелось ее будить, но Рейес знал, что это необходимо. Ее бледность и темные круги под глазами очень его беспокоили. Ей нужно поесть.

«Пока она здесь, я стану заботиться о ней. Она ни в чем не будет нуждаться».

Он вошел в комнату и тут же резко остановился, взглянув на кровать. У него пересохло во рту, и все вокруг заволочло знакомым красноватым туманом. Черные простыни были смяты. А постель пуста.

Даника исчезла.

Глава 6

Аэрон съежился на корточках в своей подземной темнице, чувствуя, как разливается по венам обжигающая ярость. Ярость на самого себя, на богов, на своего демона. На Рейеса. «Ему следовало убить меня. А теперь уже слишком поздно. Я хочу жить. Хочу насладиться смертью тех женщин».

Тьма давно поглотила бы его, но он полностью отдался во власть своего демона. Его глаза горели в темноте красными огнями, разбрасывая вокруг алые лучи света. Его окружали грязь и камни. Он находился так глубоко под землей, что мог слышать вопли проклятых и ощущать запахи серы и гниющей плоти, доносящиеся из врат ада. Он думал, что Люсьен был единственным воином, который мог входить в преисподнюю, но, очевидно, у Рейеса тоже был туда доступ.

Ярость, его демонический компаньон, кипел и скрежетал в глубине души Аэрона, требуя выпустить его из этого жаркого места. Позволить действовать.

«Я слишком близко к дому, – вопил демон. – Не вернись обратно».

– Нет, ты не вернешься обратно.

Аэрон просто не выжил бы без своего демона, теперь они стали двумя половинками единого целого. И Аэрон больше не хотел умирать. Жажда собственной смерти оказалась всего лишь временным помутнением рассудка. Теперь он все понял. Он не даст себя убить, пока не запятнает руки кровью тех четырех женщин и не ощутит, какова эта кровь на вкус.

Мэллори, Тинка, Джинджер и Даника.

Он улыбнулся, предвкушая их мучения. «Перережь им горло, – приказал ему Кронос, Верховный бог. – Не оставляй их в покое, пока они не испустят дух». Поначалу Аэрон пытался противиться, ведь эти женщины были ни в чем не виноваты. Но вскоре сдался. Нельзя допустить, чтобы они остались в живых.

– Скоро, – пообещал он себе и задрожал в предвкушении.

Недавно он уже совершил убийство. Он ощущал это всем своим существом, но его память была окутана дымкой. Он помнил лишь пожилую женщину, распростертую на холодной земле, на ее висках запеклась кровь. В ее глазах застыли слезы, а на правой руке виднелись свежие порезы.

– Не трогайте меня, – молила она. – Пожалуйста, не трогайте меня.

Одной рукой Аэрон стиснул кинжал, а другая превратилась в лапу с острыми, смертоносными когтями. Он ринулся вперед...

А затем свет померк. Что же произошло дальше? Что он сделал? Он не знал. Лишь надеялся, что ему не пришлось отказаться от убийства и оставить свою жертву в живых.

«Хочу на свободу. Наверх! Расправить крылья и полететь».

Аэрон потянул свои цепи. Они заскрежетали, царапая его израненные запястья, но не сдвинулись с места. Он мрачно оскалил зубы. Чертов Рейес.

Чертов Боль.

Аэрон не помнил, как Рейес одолел его и притащил сюда. Его страдальческое «Прости меня» до сих пор звучало в ушах Аэрона.

Эти же слова Аэрон обычно бормотал, стоя на окраине Будапешта, наблюдая за людьми и удивляясь тому, как беспечно они проводят свои дни, не думая о врожденной слабости и о том, что все в конечном счете обречены на смерть. И некоторые – от его руки.

Иногда Аэрона охватывали приступы бешенства, Ярость выбирал тех, кто заслуживал его наказания. Насильники, хулиганы. Убийцы. Как он сам. Некоторые, однако, не заслуживали того, что он с ними делал. Как те женщины.

Он нахмурился. Эта мысль появилась совсем некстати в его охваченном смятением сознании. Он часто думал об этом еще до того, как боги приказали ему убить женщин из семьи Форд.

Внезапно из дальней стены пещеры посыпались камни, нарушив его мрачные размышления. Аэрон прищурился. В стене образовалась узкая щель, сквозь которую сверкнули красные угольки глаз такого же демона, как у Аэрона.

Аэрон предостерегающе заворчал. Он был закован в цепи и безоружен, но не беспомощен. У него есть зубы. Он сожрет своего врага, если потребует.

Снова посыпались камни, расширяя проход в стене. А затем в дыру протиснулась лысая, покрытая чешуей голова. Ярко-красные глаза оглядели пещеру и уперлись в Аэрона. Существо злобно улыбнулось, обнажив острые, сверкающие клыки.

– Я почтуйл тебя, брат, – проговорило существо, облизнувшись шершавым, раздвоенным языком. В его голосе звучала скорее радость, чем угроза.

– Я тебе не брат.

Тонкие губы обиженно скривились.

– Но ты ведь Ярославь.

Аэрон ощутил, как на его пальцах отрастают острые когти.

– Да.

«Ты его знаешь?» – спросил он своего демона.

«Нет».

Снова посыпались камни, и в пещеру протиснулись чешуйчатые плечи и короткое тело.

– Только подойди, и ты умрешь.

– Нет. Я никогда не умру. – Существо уперлось в землю копытами и встало. Оно оказалось таким маленьким, что едва достало бы Аэрону до пупка. Дрожь

пробежала по его крохотному телу, и с тусклой зеленой чешуи посыпалась пыль.

- Откуда ты знаешь?

- Мы друзья.

- У меня нет друзей. Кто ты такой? И что здесь делаешь?

- Хозяин называл меня Легион до того, как однажды обозвал Туппым Идиотом. - Существо сделало шаг вперед, источая вокруг себя веселую беспечность. Оно улыбнулось, снова демонстрируя клыки. - Хочешь поиграть?

Легион. Интересно.

- Один из тысячи чего?

- Любимцев. - Еще один шаг вперед.

«Слуги ада, - с отвращением подсказал демон. —

Никчемные и презренные создания. Сожри его».

Аэрон прижал колени к груди, готовясь атаковать.

- Остановись. - Ну и зачем он это сказал? Он хотел, чтобы существо приблизилось. Хотел попробовать его на вкус.

Существо повиновалось, его губы снова скривились.

- Но мы ведь теперь друзья. А друзья могут подходить близко друг к другу. Я видел.

Аэрон не стал повторять, что они не друзья.

- Почему ты здесь, Легион? - Сначала вопросы, потом ужин.

В алых глазах существа мелькнуло предвкушение.

- Хочу играть. Ты поиграешь со мной? Пожалуйста.

- Поиграть во что? - Аэрон почувствовал, как слюна капает у него изо рта, и облизнулся. Чем больше он думал о том, чтобы поужинать своим противником, тем сильнее его привлекала мысль приберечь демона на закуску. Несмотря на оковы, Аэрон приноровился ловить крыс. Демон станет приятным разнообразием в меню. Однако к нему не помешала бы горчица. Чертов Рейес. - В какую игру?

- Поймай демона! Хозяин больше не играет со мной. Он выгнал меня из дома. - Существо опустило голову и пнуло копытом булыжник. - Я сделал очень плохую вещь и больше не смогу с ним играть.

- Какую плохую вещь? - не удержался Аэрон.

Снова блеснули клыки, и существо закусило нижнюю губу.

- Откусил Хозяину ладонь. Хочешь поиграть?

И, возможно, лишиться одной ладони? Аэрон пожал плечами:

- Можем поиграть. - Такой поворот был как нельзя кстати.

- Чудесно! - Демон восторженно заскрежетал когтями. - Мы можем изменить правила?

- И что за правила?

- Победитель не может бить ккамнями.

- Согласен. - Аэрон просто загрызет его.

Беспечно хохоча, Легион подлетел в воздух. Он скакал от одной стены пещеры к другой, и Аэрон видел перед собой лишь размытое пятно. Дважды он просвистел мимо, радостно кудахтая, и дважды Аэрон попытался схватить его, но железные

оковы еще сильнее сдавили его запястья. Существо благополучно ускользнуло от него.

Аэрон замер, обдумывая, что делать дальше. Его сдерживали цепи, а Легион двигался слишком стремительно. Он должен затаиться, как паук, поджидающий свою жертву, и довериться инстинкту.

Он решительно закрыл глаза, оказавшись в полной темноте, и положил руки на колени, надеясь, что представляет собой образец безмятежности.

Веселый смех Легиона звучал все ближе и ближе. Кончики пальцев царапнули его лоб, но Аэрон даже не шелохнулся.

- Поймай, поймай меня, если сможешь.

Камни посыпались с дальней стены, и через долю секунды смех стал громче, и легкий ветерок всколыхнул влажный, пропитанный пеплом воздух. Еще немного... подожди еще... Что-то горячее коснулось его руки, и Аэрон резко выбросил вперед ладонь и сжал пальцы.

Раздался громкий визг. Легион извивался в его руке, его смех затих.

- Я победил. - Аэрон обнажил острые зубы и резко наклонился. Кислая кровь заполнила его рот, обжигая изнутри.

- Ой!

Кашляя и отплевываясь, Аэрон отпустил демона. Он широко раскрыл глаза, но затем снова прищурился. «Почему ты не предупредил, что он ядовит?» - набросился он на Ярость.

«Я этого не знал», - прозвучал недовольный ответ.

- Ты укусил меня. - В голосе существа прозвучало негодование. Негодование и обида. Слезы заволокли его красные глаза.

- У тебя отвратительный вкус, мерзкая личинка.

– Но... но... ты порранил меня. – Легион тер шею, черная кровь сочилась между его чешуйчатыми пальцами. – А ты обещал, что не сделаешь этого.

– Я обещал не бить тебя. – Неужели он почувствовал сожаление? Да, сожаление внезапно вспыхнуло в сердце Аэрона, заслоняя собой его постоянный гнев и жажду смерти. – Я... едва не загрыз тебя, но теперь сожалею. Я думал, что именно так и надо играть.

– Ты ошшибся. – Легион шмыгнул носом и отвернулся.

Внезапно Аэрон почувствовал, что больше не относится к нему как к «существу». Легион побрел в угол пещеры и мрачно уткнулся лбом в стену.

О, боги. «И как я умудрился в это вляпаться?»

«Любимцы – сущие дети», – проворчал Ярость, хотя Аэрон и так это понимал.

– Я не знал правил, – сказал Аэрон и с изумлением понял, что впервые за долгие месяцы неожиданно почувствовал себя самим собой.

Легион бросил взгляд через плечо, его чешуя сверкала, словно гладкие рубины, в свете красных демонических глаз Аэрона. Ведь раньше его чешуя была зеленого цвета, не так ли?

– Если мы будем друзьями, ты должен пообещать больше не кусаться. Ты меня обидел.

Друзьями?

– Легион, я не хочу обижать тебя, но...

– Видишь! – Радостно улыбнувшись, демон захлопал в когтистые ладоши. – Ты больше не хочешь меня обижать. Мы уже друзья. Что же мы станем делать? Хочешь поиграть в другую игру?

Аэрон склонил голову набок и задумчиво взглянул на своего нового друга.

– Я знаю одну игру.

– О, какую? – Легион возбужденно хлопал в ладоши. – Хоччу играть. Какая игра? На этот раз я выиграю, я ззнаю!

– Игра называется – разорви цепи.

Парис лежал на кровати рядом со смертной женщиной. Он бесчисленное множество раз бывал в этой комнате. Огромная кровать, белые стены с картинами в классическом стиле. Черный письменный стол, золоченая лампа. Комната номер четырнадцать в отеле «Зара». Только каждый раз он бывал здесь с новой женщиной.

Он не знал имени своей новой пассии, подумал Парис, но и не хотел знать. Она была туристкой, и они больше никогда не увидятся.

Он никогда снова не встречался с женщинами, с которыми переспал.

Обычно он уходил сразу после секса. Промедление лишь будоражило чувства, и он, зная, что второго раза не будет, считал чувства обузой.

Однако сегодня он остался. Женщина тихо посапывала рядом с ним. Напряжение сковало его тело, он не находил себе места от беспокойства и все же не желал возвращаться домой. У Мэддокса была Эшлин, у Люсьена – Аня, а у Рейеса теперь есть Даника. Видя их вместе, Парис вспоминал о женщине, которую желал, женщине, которую убил.

О Сиенне.

О простушке Сиенне с веснушчатой кожей, массивными очками и темными вьющимися волосами. Ее чересчур худое тело было лишено изгибов и соблазнительных выпуклостей. И все же она зацепила его с самого начала. Он возжелал ее, ухаживал, не жалея сил, и сумел соблазнить. И она тут же предала его. Она с самого начала собиралась его предать.

Она была охотницей, его злейшим врагом, и использовала его чувства против него, увлекая за собой, а затем отдала своим соратникам. Они заковали его в цепи и надежно заперли. Изучали его. Он почти умер, и им пришлось отправить Сиенну в логово ко льву, чтобы не дать ему погибнуть.

Демон Разврата не мог выжить без секса. Парис стал слабеть. А охотники не хотели, чтобы он погиб. Как бы тогда они смогли изучить его возможности? Как смогли бы использовать Париса, чтобы заманить его друзей в логово охотников? Кроме того, убив его, они выпустили бы демона в мир, и без своего хозяина он причинил бы немало бед, обезумев от жажды крови.

Охотники этого не желали. О, они хотели изгнать демонов, но лишь тогда, когда будет найден ларец Пандоры. Но пока что никто не представлял, где он находится. Даже Владыки.

И вот они отправили в его камеру Сиенну. Она занялась с ним любовью так, как ему всегда нравилось, и он восстановил силы. На самом деле он стал даже сильнее, чем раньше. Впервые за все время его соседства с Развратом он смог возбудиться от ласк одной и той же женщины.

Парис решил оставить ее рядом с собой. Наказать сейчас, но защищать до конца ее жизни. Потому что на краткий миг он подумал, что нашел женщину, которая могла его спасти. Ему было плевать, что она из охотников и считает, что мир станет гораздо лучше, если избавить его от Париса и его друзей. Ему лишь хотелось снова и снова наслаждаться блаженной близостью с одной и той же женщиной. Каждый раз открывать ее заново. И, возможно, даже полюбить.

Он наивно думал, что им предначертано быть вместе, что боги наконец решили облегчить его душевные муки. Он устал каждый день искать новую женщину, устал заниматься любовью без любви, не в силах запомнить, кого целовал и ласкал, и не думая о том, что нравилось, а что не нравилось этим женщинам. Перед ним промелькнуло слишком много лиц и тел, а в его мыслях перепутались разнообразные предпочтения и просьбы всех этих незнакомок.

И вот он сбежал из темницы охотников вместе с Сиенной. И как плохой солдат позволил, чтобы ее застрелили. В нее выстрелили три раза.

Она умерла у него на руках.

«Ты должен был ее защитить». С того дня прошло много времени, но Парис не мог вычеркнуть из памяти ее образ. И мог возбудиться, лишь вспомнив о ней.

Он желал ее. Она не хотела желать его, но это происходило помимо ее воли. Она сочилась влагой возбуждения, когда он пронзал ее лоно. И ее глаза стекленели от страсти. С ее губ слетало его имя. А не имя другого мужчины.

И, несмотря на различия, они могли бы быть счастливы вместе.

– Но нет. Я позволил охотникам застрелить ее. – Он горько рассмеялся. – Какой я после этого воин. Это я во всем виноват.

– Что? – спросила его лежавшая рядом женщина хриплым после сна голосом. Она придвинулась ближе, положив руку ему на грудь.

Черт. Он не хотел разбудить ее. И не хотел с ней разговаривать.

Парис свесил ноги с кровати и встал, сбросив ее руку.

– Гм, – пробормотала она. – Ты просто неотразим.

Он принялся торопливо подбирать разбросанную по полу одежду. Вид пристегнутых к его рукам и ногам кинжалов только еще больше возбудил женщину.

Она промурлыкала его имя.

Парис продолжил одеваться, не обращая на нее внимания.

– Вернись в постель, – попросила она. – Я снова хочу тебя. Ты мне нужен.

Он множество раз слышал эти слова и, возможно, услышит их еще не один раз. От этой мысли его передернуло.

– Мне надо идти.

Она разочарованно вздохнула:

– Прошу, останься. Я хочу, чтобы день начался хорошо, а когда ты внутри меня, это так восхитительно.

В это мгновение он не мог даже вспомнить, как она выглядела, а ведь еще несколько секунд назад смотрел на нее. Он знал лишь, что это не Сиенна. И не испытывал к ней ни капли желания.

– Возможно, в другой раз. – Это была ложь, но и самое лучшее, что он мог сделать в этой ситуации.

Зашелестели простыни. Женщина тихо застонала. Судя по всему, она ласкала себя, пытаясь соблазнить его или же утолить свое желание. Однако его это совсем не интересовало. Он не почувствовал ни малейшего возбуждения. «Вот из чего всегда будет состоять моя жизнь: секс и бегство от последствий. Я просто жалок».

Он преклонялся перед женщинами. Они давали ему силу, и он всегда старался успокоить их и повысить их самооценку. Но с каждым разом у него оставалось для этого все меньше сил.

– Парис, – прошептала она. – Прикоснись ко мне. Прошу тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

С ю р и к е н – метательное оружие в виде звезды.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shouolter_dzhena/temnoe-udovol-stvie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)